

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Кафедра истории русской литературы

Фу Хэн

ДИАЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ САТИР КНЯЗЯ А. Д. КАНТЕМИРА

Выпускная квалификационная работа

бакалавра филологии

Научный руководитель:

д. ф. н. проф. Бухаркин П. Е.

к. ф. н. ст. преп. Матвеев Е. М.

Рецензент:

к. ф. н. доц. Гуськов Н. А.

Санкт-Петербург

2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Диалог внутри сатир.....	9
1.1. Эксплицитный – имплицитный диалог.....	9
1.2. Зачин.....	13
1.3. Имплицитный диалог.....	16
1.3.1. Имплицитные смысловые позиции.....	16
1.3.2. Диалог между сатирами.....	19
1.4. Выводы.....	24
Глава 2. Диалог между стихотворным текстом и прозаическими примечаниями.....	26
2.1. Конфликт.....	26
2.2. Оценка.....	28
2.3. Уточнение.....	31
2.4. Дополнения.....	31
2.5. Доказательство.....	33
2.6. Выводы.....	34
Глава 3. Диалог между текстом и реципиентом.....	35
3.1. Интертекстуальность в сатирах Кантемира.....	35
3.1.1. «Импульсы» для конкретных стихов в сатирах Кантемира.....	36
3.1.2. Источник и авторские примечания Кантемира.....	41
3.2. Пунктуация в сатирах Кантемира.....	50
3.3. Выводы.....	52
Заключение.....	53
Список использованной литературы.....	54

Введение

Известно, что сатиры князя А. Д. Кантемира являются важнейшей частью его литературного наследия. Многие ученые обращаются к ним, изучение сатир проводится в разных аспектах: исследуется текстология, язык сатир, силлабическое стихосложение сатир, источники сатир и т.д.

З. И. Гершкович уделяет особое внимание рукописям сатир Кантемира. Исходя из результатов исследования списка, хранящегося в Государственной публичной библиотеке Академии наук УССР (нынешняя Национальная библиотека Украины имени В. И. Вернадского), З. И. Гершкович выдвинул гипотезу в том, что первоначальная редакция II сатиры до нас не дошла, до известной нам «первоначальной» редакции, вероятно, существовал какой-то еще вариант, Кантемир изменил и дополнил его¹. Самым спорным вопросом по текстологии сатир Кантемира, наверное, служит авторство девятой сатиры – «На состояние сего света. К солнцу». Академик Н. С. Тихонравов впервые ввёл в научный оборот девятую сатиру². Потом вопрос о принадлежности IX сатиры Кантемиру станет спорной проблемой в 60–е годы XX в. З. И. Гершкович приписывает её Кантемиру и включает ее в его издание собрания сочинений Кантемира³. С. В. Калачева в своей диссертации (1953) поставила под сомнение авторство девятой сатиры. В конце концов, Л. Р. Муравьева убедительно доказывает, что Сатира IX не принадлежит Кантемиру, хотя в конце своей статьи она оставляет вопрос открытым⁴.

Часть работ, посвященных языку сатир Кантемира, является общим описанием, в другой части описываются отдельные вопросы. В монографии В. В. Веселитского рассказывается о большой роли, которую Кантемир сыграл в развитии русского литературного языка, особенно в области лексикологии⁵. Б. А. Ларин сравнивает язык сатир русского периода и заграничного периода⁶. Л. В. Пумпянский наблюдает в сатирах большое количество слов и словосочетаний, которые представляют собой

¹ См.: Гершкович З. И. К истории создания первых сатир Кантемира // XVIII век. Сб. 5. М.; Л.: Наука, 1962. С. 349–357.

² См.: Тихонрав Н. С. Неизданная сатира кн. А. Д. Кантемира // Библиографические записки. 1958. № 3. С. 65–74.

³ См.: Гершкович З. И. К вопросу об эволюции мировоззрения и творчества А. Д. Кантемира (проблемы «девятой» сатиры) // XVIII век. Сб. 3. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1958. С. 44–64.

⁴ См.: Муравьева Л. Р. Проблема так называемой «девятой» сатиры А. Д. Кантемира // XVIII век. Сб. 5. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1962. С. 153–178.

⁵ См.: Веселитский В. В. Антиох Кантемир и развитие русского литературного языка. М.: Наука, 1974. 71 с.

⁶ См.: Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка. СПб.: Авалон; Азбука классика, 2005. С. 362–366.

просторечия, вульгаризм⁷. С. И. Николаев и Ю. К. Щеглов уделяют внимание синтаксису латинизмов сатир Кантемира⁸. Д. В. Руднев обращает внимание на связочные глаголы в сочинениях Кантемира, в которые включаются и его сатиры⁹.

Л. И. Тимофеев подробно рассматривает особенности силлабического стиха Кантемира¹⁰. Чтобы исследовать особенности русского силлабического тринадцатисложника, М. Л. Гаспаров анализировал большое количество доломоновских тринадцатисложных стихов, которые включают катемировские сатирические стихи¹¹.

Многие исследования посвящены вопросу об источниках Кантемира. Т. М. Глаголева впервые обратила внимание на влияние Лабрюйера, выявляемое в сатирах Кантемира¹². Кроме античных и французских рецептов, Л. В. Пумпянский уделяется особое внимание английскому влиянию на Кантемира¹³. Статья М. П. Одесского посвящена влиянию А. Поупа на Кантемира¹⁴. Некоторые ученые обращают внимание на русские источники Кантемира¹⁵. Некоторые исследования посвящены античным и христианским источникам¹⁶.

В нашей работе рассматривается проблема диалогизма в сатирах Кантемира, которая пока до сих пор мало изучена и не описана систематически. Основной объект нашего исследования – 8 сатир поздней редакции. Ранняя редакция первых 5 сатир и 8 рукописей сатир ранней редакции, хранящиеся в РНБ, служат дополнительными материалами для

---

⁷ См.: Пумпянский Л. В. Кантемир // История литературы. Т. 3. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1941. С. 188–191.

⁸ См.: Николаев С. И. Трудный Кантемир // XVIII век. Сб. 19. СПб.: Наука, 1995. С. 3–14.; Щеглов Ю. К. Антиох Кантемир и стихотворная сатира. СПб.: Гиперион, 2004. 720с.

⁹ См.: Руднев Д. В. Система связочных глаголов в произведениях Антиоха Кантемира // *Ac ta linguisticf petropolitana*. Т. IX. №2. 2013. С. 470–494.

¹⁰ См.: Тимофеев Л. И. Очерки теории и истории русского стиха. М.: ГИХЛ, 1958. С. 277–209.

¹¹ См.: Гаспаров М. Л. Русский силлабический тринадцатисложник // Гаспаров М. Л. Избранные труды. Т. 3. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 132–157.

¹² См.: Глаголева Т. М. К литературной истории сатир князя А. Д. Кантемира // Известия Отделения русского языка и словесности. №2. 1913. С. 143–187.

¹³ См.: Пумпянский Л. В. Указ. соч. С. 194–196.

¹⁴ См. Одесский М. П. Кантемир и Поуп // Прометей. Т. 16. М.: Молодая гвардия, 1990. С. 251–261.

¹⁵ Леонов С. А. Пословицы и поговорки в творчестве А. Д. Кантемира // Литература древней Руси и XVIII в / Ред. Коллегия: проф. Н. В. Водовозов (отв. ред.) и др. М.: 1970. С. 312–325.; Шкляр И. В. Формирование мировоззрения Антиоха Кантемир // XVIII век. Сб. 5. СПб.: Издательство АН СССР, 1962. С. 129–152. (В этой статье исследовательница замечает, что Кантемир, вслед за Феофаном Прокоповичем, пользовался приемом перевода, например, употреблял русские имена вместо иностранных, незнакомых русским читателям).

¹⁶ Глариантова Е. В. Античные и христианские источники в творчестве Антиоха Кантемира // Знание. Понимание. Умение. № 4. 2007.

сравнения. Материалы, которые находятся в РНБ, не были ранее объектом научного исследования.

Некоторые исследователи уделяют особое внимание диалогу в сатирах Кантемира: в отдельной главе монографии Ю. К. Щеглова¹⁷ рассматриваются элементы диалогов сатир Кантемира; статья М. П. Одесского¹⁸ посвящена «условному собеседованию» в сатирах Кантемира; О. Л. Довгий¹⁹ обращает внимание на «диалог» между разными сатирическими текстами; в статье Т. В. Бердниковой рассматривается один из элементов диалога в сатирах Кантемира²⁰. Несмотря на вышеперечисленные работы, проблема диалогизма в сатирах Кантемира еще недостаточно изучена. Важность проблемы диалогизма в сатирах Кантемира и её недостаточная разработанность в имеющихся исследованиях определяет актуальность нашего исследования. Наша работа представляет собой попытку рассмотреть эту проблему системно.

Преыдушие исследователи, главным образом, обращаются к диалогу внутри сатир Кантемира. В нашей работе выявлены еще два вида диалога, которые ранее не рассматривались: 1) диалог между стихотворными текстами и прозаическими примечаниями Кантемира; 2) диалог, который сатиры с комментариями как единое целое ведут с реципиентом. В этом заключается новизна работы.

Авторские примечания являются одной из своеобразных черт сатир Кантемира. Они, с одной стороны, адресованы читателю, а с другой стороны, обращены к стихотворному тексту. В своих примечаниях комментатор вступает в конфликт с отрицательными персонажами, дает оценку своему персонажу, добавляет недосказанные мысли, объясняет малопонятные слова и выражения, а также реалии. Анализируя эти примечания, мы видим, что реплики из авторских комментариев и из стихотворных текстов создают

---

¹⁷ Щеглов Ю. К. Указ. соч. С. 556—584.

¹⁸ Одесский М. П. Условное собеседование в сатирах А. Д. Кантемира // Антиох Кантемир и русская литература / отв. ред. А. С. Курилов. М.: Наследие. 1999. С. 127–139.

¹⁹ Довгий О. Л. «Диалог» текстов А. Д. Кантемира о вине // Русская речь. № 6. М.: Наука, 2011. С. 11–14.

²⁰ Бердникова Т. В. От риторике к пиитике: к проблеме развития диалога в поэзии эпохи классицизма (на материале лирики А. Кантемира, М. В. Ломносова, А. П. Сумарокова) // Гуманитарный вектор. № 4. 2012. С. 19.

диалог.

Диалог между единым сатирическим целым и реципиентом возникает в связи со многими культурными особенностями эпохи Кантемира. Первая особенность – лингвистическая. С одной стороны, в начале XVIII века языковая ситуация хаотична; с другой стороны, у Кантемира в сочинениях есть одна своеобразная языковая особенность: «Инверсии и гиперболы Кантемира, а также его беспрецедентные межстиховые переносы постоянно готовят читателю <...> семантические ловушки»²¹. Таким образом, у разных интерпретаторов возникают разнообразные толкования того же самого стиха. Вторая особенность заключается в том, что в некоторых случаях комментатор не называет источник своего стиха. Например, в «изъяснении» к первой сатире ранней редакции Кантемир пишет так: «можно сказать, что сатира сия ни с чего не имитована, но есть выдумка нашего автора, понеже из всех сатириков никто особливую сатиру на хулящих учение не делал»²². На самом деле мы знаем, что обращение «К уму своему» — это подражание IX сатире Буало «*A son esprit*»²³; об этом Кантемир умалчивает. Скудость архива А. Кантемира и широта его эрудиции приводят к тому, что часто трудно точно определить источники его текстов. Несмотря на то, что предыдущие исследователи уделяют особое внимание этому вопросу, мы полагаем, что вопрос о неуказанных источниках в сатирах Кантемира остается открытым. Вследствие этого мы видим, что «неясные места» в сатирах привлекают внимание реципиентов, которые воспринимают и трактуют их по-разному.

Для нашего анализа мы воспользуемся термином М. М. Бахтина «смысловая позиция»²⁴. По Бахтину, «смысловая позиция» — это выражение жизненной позиции, точки зрения, определенного понимания факта. Кроме этого, мы полагаем, что пара «адресат/адресант» тоже является одним из важнейших элементов диалога. Мы замечаем, что по этим двум элементам мы можем выделить два основных вида диалога внутри сатир: эксплицитный и

²¹ Николаев С. И. Указ. соч. С. 7.

²² Сочинения, письма и избранные переводы кн. А. Д. Кантемира / Сатья и примечания В. Я. Стоюнина, ред. П. А. Ефремова. Т. 1. СПб.: Тип. Глазунова. 1867. С. 195.

²³ Пумпянский Л. В. Указ. соч. С. 193.

²⁴ См. Бахтин М. М. «Проблема поэтики Достоевского» // Бахтин М. М. Собрание сочинений в 7 томах. / ред. С. Г. Бочаров, В. В. Кожин. Т. 6. М.: Русские словари; Языки славянской культуры. 2002. С. 6–301.

имплицитный. Имплицитный диалог отличается тем, что в нем один из этих двух элементов является имплицитным. Например, в сатирах I и IV сатирический нарратор адресует высказывание alter ego (своему уму, своей музе); в III и VII сатирах нарратор обращается к своему письменному адресату (к Феофану Прокоповичу, к князю Н. Ю. Трубецкому). В этих сатирах мы не видим прямые реакции адресатов, их позиции реализуются через нарратора. В этом примере мы замечаем, что смысловая позиция адресата является имплицитной. Кроме того, пара «адресант / адресат» может быть имплицитной, а может быть эксплицитной. Мы часто сталкиваемся с унисоном и спором мыслительных позиций, распределенных в разных сатирах.

Настоящая работа состоит из трех глав. Первая глава, «Диалог внутри сатир», разделяется на 3 параграфа. Первый параграф содержит принципы классификации эксплицитного и имплицитного диалога. Выше мы объясняем критерии классификации, т.е. по двум элементам диалога – пара «адресант / адресат» и «смысловая позиция». Второй параграф посвящен анализу зачина диалога. В нашем исследовании мы стремимся продемонстрировать своеобразные черты зачина диалога в сатирах Кантемира. Мы полагаем, что в разных ситуациях адресант и адресат ведут себя по-разному, и отношения между адресантом и адресатом влияют содержание зачина. В третьем параграфе отдельно рассматривается имплицитный диалог.

Вторая глава озаглавлена «Диалог между стихотворным текстом и прозаическими примечаниями». При исследовании прозаических примечаний мы выделяем 5 способов, которые проявляются в этом виде диалога (диалог между текстами и примечаниями): конфликт, оценка, уточнение, дополнение и доказательство.

В последней главе, «Диалог между текстом и реципиентом», на примере первой сатиры рассматривается диалог с реципиентом. Этот вид диалога рассматривается в двух аспектах: пунктуационном и интертекстуальном.

Цель работы – описать особенность диалогизма в сатирах Кантемира.

Задачи работы – 1) выбрать из текста сатир реплики, свидетельствующие о

наличии диалога; 2) классифицировать диалоги; 3) описать особенности, конструкции имплицитного диалога внутри сатир (в том числе зачины); 4) выявить неуказанные импульсы (источники) сатир; 5) рассмотреть варианты пунктуации сатир в разных редакциях и списках.

Глава 1. Диалог внутри сатир

1.1. Эксплицитный – имплицитный диалог

Мы считаем, что двумя важнейшими элементами диалога являются пара «адресант / адресат» и «смысловая позиция». При исследовании стихотворного текста сатир А. Д. Кантемира мы замечаем, что в некоторых случаях один из двух элементов является имплицитным. Исходя из этого мы выделяем 2 вида диалога внутри сатир: эксплицитный и имплицитный.

В эксплицитном диалоге существуют определенный адресант и адресат. Они оба участвуют в беседе. В этом случае, оба два элемента диалога (пара «адресант/ адресат» и «смысловая позиция»), учитываемые нами, представлены эксплицитно.

У Кантемира вторая и пятая сатиры построены как диалоги воображаемых персонажей. Во второй сатире диалог происходит между Филаретом (любителем добродетели) и Евгением (дворянином). В пятой сатире Перьерг (любопытный) ведет разговор с Сатиром.

В V сатире в повествовании о приключениях Сатира в городе мы видим еще несколько эксплицитных диалогов. Первая беседа возникает на городской площади. Лесной бог – Пан отправил Сатира в город, чтобы тот «набрал смеху причину». Сатир сначала попал на городскую площадь, и к нему подошел старик-виноторговец. Старик обратился к Сатиру с предложением о работе. Сатир рассказал старику свою придуманную биографию и сказал, что ему придется найти службу в связи с разорением. Потом Сатир со стариком пошли к дому старика. В этот момент возникает второй диалог между Сатиром и стариком. Сатир спрашивает у него о пьянстве в городе. Старик вздыхает об упадке нынешних нравов: сегодняшние люди принимают церковные праздники, которые установили предки, как повод для пьянства, разврата и лени. Третья беседа происходит во время службы Сатира в доме старика. Работая, Сатир засомневался в своей обязанности слуги – наливать воду в вино. Виноторговец оправдывался, а Сатир смеялся над расхождением между делом виноторговца и его предыдущим словом. Виноторговец объяснил Сатиру свое лукавство и «сбил его со двора».

После ухода от господина Хирона, Сатир служил в доме Менандра, который был близким другом Хирона. Между Сатиром и Менандром развертывается диалог по поводу неблагодарности Менандра, которая проявляется в поведении Менандра после падения Хирона.

Еще один диалог между Сатиром и его хозяином. Во время богослужения между членами семьи Милона возникает ссора. Сатир пытался прекратить их

безобразия, и вместо устного ответа на вразумления Сатира, хозяин «стрельнул» в Сатира наложником. Тут, несмотря на то, что мы не слышим непосредственного устного ответа адресата, мы видим его реакцию на совет Сатира, поэтому мы тоже считаем эту сцену эксплицитным диалогом.

Скупой Хрисипп в третьей сатире заботится о том, что «и прячет он и копит денежные тучи» (С. 90)²⁵ и он полагает, что «из большой приятно брать кучи» (С. 90). Размышляя над позицией Хрисиппа, сатирический нарратор выражает свое сомнение: «Но если из малой я своей получаю / Сколько нужно, для чего большую, не знаю, / Предпочитает?» (С. 90). Потом нарратор использует «бытовую аналогию»²⁶, которая переключается с идеей о большой куче Хрисиппа, чтобы обличить его алчность: «...Тому подобен, мне мнится, / Хрисипп, кто за чашею одною тащится / Воды на пространную реку, хотя может / В ручейке чисту достать. Что ему поможет / Излишность, когда рака, берег под ногами / Подмыв, с ними и его покроем струями» (С.90).

В третьей сатире злоязычный Созим ядовито критикует перед сатирическим нарратором другого отрицательного персонажа – Иркана. Нарратор не откликается на его критику в глаза, но после слов Созима сразу выражает свои мысли по адресу критики Созима.

Сатира VII начинается с воображаемого диалога нарратора между ним и религиозным ханжой. Нарратор сомневается в притворной набожности ханжи, а ханжа презирает молодость нарратора: «Напрасно, молокосос, суешься с советом» (С. 157).

В VII сатире Кантемир ссылается на одну эзоповскую басню, чтобы доказать, что поступок родителей служит образцом для детей. В этом фрагменте мы видим диалог между раком и его матерью.

В заключительной части VII сатиры мы сталкиваемся с критикой поучения «молокососа». Нарратор полагает, что «лучше любят осудить вдруг, что их несходно / мысли, нежели выслушать доводы свободно» (С.163). Следует оговориться, что ответ нарратора не является непосредственным ответом на

---

²⁵ Здесь и далее сочинения Кантемира цитируются по изд.: Кантемир А. Д. Собрание стихотворений. Л.: Советский писатель. 1956. (далее – изд. 1956). Цифра в скобках указывает страницу.

²⁶ Щеглов Ю. К. Указ. соч. С. 181.

критику, он обращается к его письменному адресату – князю Н. Ю. Трубецкому: «Никито, друг! может быть, слово то рассудно / Явится тем...». Но мы полагаем, что тут существует двойная адресация. С одной стороны, критика отрицательного персонажа и ответ нарратора целиком адресованы Трубецкому; с другой стороны, ответ нарратора является откликом на критику отрицательного персонажа.

В некоторых случаях в авторских примечаниях мы видим, что стих в одной сатире адресован стиху другой сатиры. Например, в IV сатире примечание к 22-ому стиху из той же сатиры: «Ст. 22. *Бороду злословит*. Вся Кондратова злость устремляется против 135 и 137-го стихов I сатиры».

Мы выделяем 2 варианта имплицитного диалога:

а) В первом варианте существует определяемый адресат, но он не принимает прямого участия в разговоре. Иными словами, пара «адресант / адресат» является эксплицитной, а смысловые позиции коммуникантов – имплицитные.

В I и IV сатирах сатирический нарратор обращается к своему alter ego: Сатира I адресована к уму нарратора, Сатира IV к музе. В третьей и седьмой сатирах нарратор обращается к реальному лицу (Феофану Прокоповичу в Сатире III, князю Никите Юрьевичу Трубецкому в Сатире VII). Следует заметить, что в конце третьей сатиры сатирический нарратор обращается к своей музе с вопросом: «...да не пора ль, муза моя, губы / Прижав, кончить нашу речь?» (С.98).

б) В диалоге нет определенного адресанта и адресата, фрагмент сатиры как одна смысловая позиция ведет диалог-унисон или диалог-спор²⁷ с другим таким же фрагментом. Тут «смысловые позиции» оказываются эксплицитными, а коммуниканты – имплицитными.

Во вступительной части первой сатиры сатирический нарратор говорит своему уму: «Не писав летящи дни века проводить / Можно, и славу достать, хоть творцом не слыти. / Ведут к ней нетрудные в наш век пути многи, / На

---

²⁷ Дускаева Л. Р. Диалогичность речи (письменной) // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. М.: Филинга; Наука, 2011. С. 49.

которых смелые не запнутся ноги; / Всех неприятнее тот, что босы проклали / Девять сестр...» (С.57). В сатирическом цикле Кантемир много раз упоминает о «славе»: «Буде ты указывать смеешь Ювенала, / Персия, Горация, мысля, что как встала / Им от сатир не беда, но многая *слава*» (С.110) «Напрасно вину свалить с плеч своих он тщится: / Богатства сыну копил — презрел в сердце нравы / Добры всадить. Богат сын будет, но без *славы*» (С.159); «Гоним за *славой* путем, дерзки и бесстыдны, / На коем *славы* следы ни малы не видны, / И кажемся нагонять сами себе любви» (С. 175-176). Из первого примера мы видим, что сатирический нарратор выдумывает возможный ответ своего адресата – его музы. Нетрудно заметить оппозицию между возможной реакцией музы сатирического нарратора и фрагментом из I сатиры. Ювенал, Персий и Гораций являются именно теми, кто занимается творчеством, кто завоевывает славу. В данном случае две смысловые позиции выражаются в разных сатирах, они «беседуют» на общую тему – могут ли добиться славы творец и ученые люди? Их разные точки зрения по поводу этого вопроса представлены в форме имплицитного диалога-спора.

В сатирах Кантемира мы видим еще много сходных диалогов между сатирами, подробно эти диалоги рассматриваются ниже.

Далее мы рассмотрим зачины разных видов диалога, особое внимание будет уделяться элементам имплицитного диалога.

1.2. Зачин

В сатирах Кантемира мы видим три диалогические ситуации: а) адресант обращается к адресату с определенной целью: диалог между нарратором и его умом, музы, Феофаном Прокоповичом и т.д.; б) случайная встреча: встреча между Филаретом и Евгением, Сатиром и Периергом, Сатиром и стариком- виноторговцем и т.д.; в) особое обстоятельство служит импульсом для диалога: повальное пьянство в городе вызывает любопытство Сатира, таким образом, возникает диалог между ним и стариком после возвращения в дом старика. Безобразия членов семьи Милона в церкви представляют собой

импульс для совета Сатира. Диалог между нарратором и князем Н. Ю.Трубецким тоже принадлежит к последнему типу ситуации, поскольку беседа о воспитании вызвана выдуманным нарратором диалогом во вступительной части сатиры. Мы отдельно рассмотрим диалог между сатирами в следующей подглаве. В зависимости от разных диалогических ситуаций мы получаем разные зачины.

В первой ситуации мы сталкиваемся, как правило, с тем, что нарратор обращается к своему адресату, называя его по имени²⁸. В I и IV сатирах Кантемир, обращаясь к его уму и музе, употребляет звательный падеж: «**Уме** незрелый, плод недолгой науки!» (С. 57), «**Музо!** не пора ли слог отменить твой грубый / И сатир уж не писать?...» (С.109). В III сатире автор использует именительный падеж: «Дивный первосвященник, которому сила / Высшей мудрости свои тайны все открыла / И все твари, что мир сей от век наполняют, / Показала, изъяснив, отчего бывают, / **Феофан**, которому все то далось знати, / Здрава человека ум что может поняти!» (С. 89) «...да не пора ль, **муза моя**, губы / Прижав, кончить нашу речь?» (С.98).

Кроме называния по имени, обращение содержит характеристики адресата²⁹. Положение адресата влияет на особенности характеристики. Если адресат является alter ego нарратора, то обращение содержит «критические характеристики»: «**Уме незрелый, плод недолгой науки!**» (С. 57), «**Музо!** не пора ли слог отменить твой **грубый** / И сатир уж не писать?...» (С. 109). Соответственно, в другом случае, обращение содержит «хвалебную характеристику»: «**Дивный** первосвященник, **которому сила / Высшей мудрости свои тайны все открыла / И все твари, что мир сей от век наполняют, / Показала, изъяснив, отчего бывают, / Феофан, которому все то далось знати, / Здрава человека ум что может поняти!**» (С. 89)

В связи с тем, что адресант обращается к адресату с определенной целью, за обращением следует просьба³⁰: «Покойся, не понуждай к перу мои руки» (С.57), «Скажи мне (можешь бо ты!): всем всякого рода / Людям, давши тело

²⁸ Ср.: Щеглов Ю. К. Указ. соч. С. 556.

²⁹ Ср.: Там же. С. 556–558.

³⁰ Ср.: Там же. С. 556.

то ж и в нем дух, природа — / Она ли им разные наделила страсти, / Которые одолеть уже не в их власти, / Иль другой ключ тому ручью искать нужно?» (С.89), «...да не пора ль, муза моя, губы / Прижав, кончить нашу речь?...» (С. 98), «Музо! не пора ли слог отменить твой грубый / И сатир уж не писать?...» (С.109). Нетрудно заметить, что тут положение адресата оказывает влияние на способ выражения просьбы. Просьба к alter ego, как правило, сопровождается отрицательной частицей **не**, вносящей повелительную окраску.

Во второй ситуации мы видим, что адресант уделяет основное внимание внешности или состоянию адресата, необычная внешность и состояние адресата служат диалог-стимулом³¹: «Что так смутен, дружок мой? **Щеки внутрь опали, / Бледен, и глаза красны...**» (С. 68), «Ба! что вижу я! **Сатир в штанах и в кафтане; / Кривы ноги в сапогах его оказывают / И рога, что теперь вскрыл,** — так изображают / Урода наши писцы...» (С. 119), «Что ты, дружок, думаешь, стоя здесь без дела? — / <...> **По платью зрю и по строю тела, / Что ты к работе ужо...**» (С.124). Эти замечания по внешности и состоянию сопровождаются вопросами: «...как бы ночь не спали? / Задумчив, как тот, что, чин патриарш достати / Ища, конный свой завод раздарил некстати? / Цугом ли запрещено ездить, иль богато / Платье носить, иль твоих слуг пеленать в злато? / Карт ли не стало в рядах, вина ль дорогого?»(С.68), «Откуда, кто и куды — испытать не худо» (С.119), «Но наперед скажи мне, кто ты и откуда?» (С. 124). Мы видим, что отношения между адресантом и адресатом влияют на содержание вопроса. В первом примере Филарет и Евгений давно знакомы друг с другом, поэтому Филарет задает конкретные вопросы, затрагивающие детали жизни Евгения. Во втором и третьем примерах Периерг и старик-виноторговец впервые встречают Сатира, так что они просят Сатира сначала представиться: «откуда, кто и куды...» (вопрос Периерга), «кто ты и откуда?» (вопрос старика-виноторговца).³²

³¹ Дускаева Л. Р. Указ. соч. С. 48.

³² Ср.: Там же. С. 558–565.

В третьей ситуации отсутствуют обращение к адресату, интерес к внешности или состоянию адресата. Адресант в определенных обстоятельствах **а)** задает вопрос адресату, **б)** обличает или критикует поведения или речи адресата, **в)** предлагает совет адресату. Например: **а)** «...Идучи мы к дому, / Осмелился я спросить у него такому / Во граде пьянству вину...» (С.125), «...хотел знать, какая / Причина, что весь народ воду покупает?» (С. 127); **б)** «Но если из малой я своей получаю / Сколько нужно, для чего большую, не знаю, / Предпочитает? Тому подобен, мне мнится, / Хрисипп, кто за чашею одною тащится / Воды на просторную реку, хотя может / В ручейке чисту достать. Что ему поможет / Излишность, когда рака, берег под ногами / Подмыв, с ними и его покроем струями» (С. 90), «Гораздо б приличнее Иркин протомою / Помнил бабушку свою и деда с сумою, / Умеряя по семье строй свой и походку. / Гораздо б приличнее зашил себе глотку, / Чтоб хотя один глупец обмануться станом / Его мог, а не весь свет окрестил болваном» (С. 96), «Менандров я быв слуга, ему утаити / Не хотел, сколь нрав его мне казался быти / Вреден ему и другим, но, речь презирая / Мою...» (С. 131), «...Дружок, ум твой блудит; / Тем путем не войдешь в рай, и буде радеешь / Душу спасти, отдай назад, чем худо владеешь» (С. 157), «...молодому мать раку обличает / Кривой ход» (С.163), «Смотри, наш молокосос какие отважно / Сказки нам рассказывает и, времени цену / Не зная, скучает нам, лепя горох в стену. / Незнамо с чего зачав, нравов уж толкует / Вину, воспитанию склонность приписует / Нашу, уча, как растить детей; одним словом, / Продерзость та родилась в мозгу нездоровом» (С. 163); **в)** «И я прошу перестать, вину представляя / Распри маловажну быть и что тут к молитве, / Где любовь нужна, сошлись — не к брани и битве» (С. 133). Иногда адресант задает себе вопрос, чтобы привлечь внимание адресата: «Испытал ли истину он в том осторожно? / Не знаю, Никито, друг!» (С.158).

1.3. Имплицитный диалог

В данной подглаве мы рассмотрим два вида имплицитного диалога: 1)

диалог, в котором адресант ориентируется на определенного адресата; 2) диалог между сатирами.

1.3.1. Имплицитные смысловые позиции

На основании исследования письменной научной речи М. Н. Кожина³³ описала некоторые способы выражения диалогичности в письменной научной речи. Согласно этому описанию, при исследовании сатир Кантемира мы выявляем 3 способа реализации диалога через единственного нарратора в сатирах Кантемира: 1) стремление привлечь внимание адресата; 2) приглашение адресата к совместному размышлению; 3) диалог разных логик с целью проверки доказательства.

1)

Иногда адресант употребляет указательные частицы (вот, вон) для привлечения внимания адресата: «**Вот** часть речей, что на всяк день звенят мне в уши; / **Вот** для чего я, уме, немее быть клуши / Советую...» (С. 60); «**Вот** хорош Силван...» (С. 111); «**Вон** Кондрат с товарищи...» (С. 109).

Единственный нарратор использует личное местоимение первого лица множественного числа «мы», его парадигмы и притяжательное местоимение «наш», чтобы указывать на множество, к которому нарратор относит себя вместе с адресатом: «Пока Клеарх **наш** весь гол в тюрьме очутится» (С. 91); «**К нам** не дошло время... / Златой век до **нашего** не дотянул роду» (С. 61); «О, когда б дворяне так **наши** свои знали / Дела, как чужие он!» (С. 91).

Нарратор обращается к адресату в повелительном наклонении: «Хоть излишно, **поверь мне**, более пристойно...» (С. 110); «Мед **держи** яа языке, а желчь всю прячь в грудях...» (С. 110); «...**позволь** сказать, что ум твой шалеет / <...> / Тебя чуть ли не с другим кем Память родила» (С. 110); «Вскинь глаза на прошлу жизнь мою и подробно / Исследуй» (С. 111).

Адресант стремится привлечь внимание адресата экспрессивным

³³ См.: Кожина М. Н. О диалогичности письменной научной речи / Пермский государственный университет им. А. М. Горького. Пермь: ПГУ, 1986. 91 с.

выражением:

а) либо задает риторический вопрос своему адресату: «А мне чего по твоей милости уж ждати?» (С. 109); «Кто же от тебя когда хотел правду знати?» (С. 110); «К чему ж и инде искать печали причину? / Не довольно ли она валится на спину, / Хоть бы ея не искать?» (С. 113); «Нельзя ль добрым быть?» (С. 163).

б) либо использует восклицательное выражение: «Если б правдой все идти — таскаться с сумою. / **Таков обычай!**» (С. 110);

в) либо применяет повтор: «**Скупость, скупость** Хрисиппа мучит, не иное» (С. 90);

2)

Нарратор не прямо высказывает свои мнения, а представляет адресату условную ситуацию, которая вовлекает его в совместное размышление: «Епископом хочешь быть...» (С. 60); «Хочешь ли судьбою стать...» (С. 60).

В некоторых случаях сатирический нарратор ведет повествование с точки зрения адресата, чтобы он участвовал в диалоге. В третьей сатире сатирический нарратор употребляет личное местоимение второго лица единственного числа «ты» при описании саркастических портретов вымышленных персонажей (болтуна Менадра и болтуна Лонгина): «Встретит ли **тебя** — тотчас в уши вестей с двести / Насвищет, и слышал те из верных рук вести, / И **тебе** с любви своей оны сообщает, / Прося держать про себя...» (С. 92); «Искусен и без вестей голову распучить / **Тебе** Лонгин. Стерегись, стерегись соседом / Лонгина, не завтракав, иметь за обедом. / От жены, детей своих долгое посольство / Отправит **тебе**, потом свое недовольство / Явит, что **ты** у него давно не бываешь, / Хоть больну быть новыми зубами дочь **знаешь**... / под нос **тебе** рассмотреть положит...» (С. 93); «...Тогда же он чает, / Что весь — ухо, языка во рту не имеешь; / Говорить **тебе** не даст, хоть даст. — не **успеешь**» (С. 94). Видно, что в этих двух примерах нарратор не имеет в виду, что адресат является знакомым Менадра и Лонгина, а описывает его с точки зрения адресата. «Ты» в этом случае обозначает не адресата, а нарратора с точки зрения адресата. В повседневной

ситуации мы часто встречаем такой тип диалога. Рассказчик, повествуя о своем приключении, употребляет не первое, а второе лицо, чтобы пригласить слушателя участвовать в диалогической ситуации.

3)

Третий способ заключается в том, что сатирический нарратор вступает в диалог-унисон и диалог-спор с его вторым «Я» (его ум, его муза). Часть нашего анализа опирается в данном случае на концепции Ю. К. Щеглова³⁴.

а) Отрицание (диалог-спор)

Нарратор непосредственно выражает свое возражение: «...не понуждай к перу мои руки: / Не писав летящи дни века проводи / Можно, и славу достать...» (С. 57); «Феофана чаешь <муза сатирика – Ф. Х.> ли не иметь иного / Дела, разве выпаться, досыта покушать / И, поджав руки, весь день стихи мои слушать?» (С. 99).

Нарратор предвидит со стороны адресата его физические действия, которые намекают на его несогласие с нарратором: «Но вижу, музо, ворчишь, жмешься и краснеешь, жмешься и краснеешь, / Являя, что ты хвалить достойных не смеешь...» (С. 111).

Нарратор с помощью вводных слов, обретающих уступительную окраску, демонстрирует отрицание со стороны своего адресата: «**Правда**, в нашем молодом монархе надежда / Входит музам немала; со стыдом невежда / Бежит его. Аполлин славы в нем защиту / Своей не слабу почул, чтяща свою свиту / Видел его самого, и во всем обильно / Тщится множить жителей парнасских он сильно» (С. 57); «**Знаю**, что можешь, уме, смело мне представить, / Что трудно злонравному добродетель славить / Что щеголь, скупец, ханжа и таким подобны / Науку должны хулить, — да речи их злобны / Умным людям не устав, плюнуть на них можно» (С. 60); «А я **знаю**, что когда хвалы принимаюсь / Писать, когда, музо, твой нрав сломить стараюсь» (С. 112);

Нарратор предвидит потенциальные реакции своего адресата, которые не совпадают с реальностью или противоречат позиции нарратора: «За пищу,

³⁴ См.: Щеглов Ю. К. Указ. соч. С. 568–574.

думал бы ты, Хрисипп суетится, / Собирая, чем бы жить... / <...> / Да не то, уж сундуки мешков не вмещают...» (С. 90); «Буде ты указывать смеешь Ювенала, / Персия, Горация, мысля, что как встала / Им от сатир не беда, но многая слава / <...> / позволь сказать, что ум твой шалееет» (С. 110);

б) Согласие (диалог-унисон)

«ты хвалить достойных не смеешь, / А в ложных хвалах нурить ты не хочешь время. / Достойных, право, хвалить — не наших плеч бремя» (С. 112).

1.3.2. Диалог между сатирами

Во вступительной части I сатиры одним из аргументов нарратора, который призывает свой ум успокоиться и не понуждать его к творчеству, служит бедность творцов и ученых: «...Кто над столом гнется, / Пяля на книгу глаза, больших не добьется / Палат, ни расцветенна мраморами саду; / Овцу не прибавит он к отцовскому стаду» (С.57). В заключительной части той же сатиры отрицательные персонажи критикуют то, что «никакой плод не видим с науки, / Ученых хоть голова полна — пусты руки» (С. 61). Несомненно, тут отрицательные персонажи описывают бедственное положение ученых – «пусты руки». Двойное название первой сатиры – «На хулящих учения» и «К уму своему», обретает двойственность адресата. «В этой сатире через обращение к уму реализуется адресованность к людям, не ценящим ум и учение»³⁵. Таким образом, аргументация нарратора в этом примере является ироническим подражанием позиции отрицательного персонажа, перекликающимся с перепалкой персонажей в заключительной части.

В VI сатире нарратор говорит следующие слова: «Тот в сей жизни лишь блажен, кто малым доволен, / ... Малый свой дом, на своем построенный поле» (С. 147). В этом фрагменте тоже затрагивается «дом» как в вышеприведенном примере. Отличие от фрагмента первой сатиры состоит в том, что тут нарратор подчеркивает размер - «малый», который

³⁵ Бердникова Т. В. Указ. соч. С. 19.

противопоставляется «большой палате» в первой сатире. Безусловно, это не противоречит позиции сатирического нарратора, как выше сказано, это является противопоставлением выражаемой через пародию нарратора позиции тех, которые не ценят ум и учение. Таким образом, тут, благодаря оппозиции «малый – большой», складывается диалог-спор.

Затрагивается в произведениях А. Кантемира и вопрос о богатстве. В сатирах мы видим представителей «расточительности» и «скупости», а также отношение к ним нарратора. Сравнив разные позиции по отношению к богатству, мы можем видеть диалог между ними.

Типичным представителем «скупости» является персонаж Хрисипп в III сатире: «Весь вечер Хрисипп без свеч, зиму всю колеет, / Жалея дров; без слуги обойтись умеет / Часто в доме; носит две рубашку недели, / А простыни и совсем гниют на постели. / Один кафтан, и на нем уж ворса избита / Нить голу оставила, и та уж пробита; / А кушанье подано коли на двух блюдах...» (С. 90). Он критикует тех, кто живет расточительно: «Куды мотовство завелось в людях!». Видно, что тут неприятие расточительности Хрисиппом не обозначает, что он доволен малым, а является свидетельством его скупости. Он полагает, что «из большой приятно брать кучи» (С. 90). Из этого мы можем видеть противопоставление идеи Хрисиппа и идеи нарратора, выраженное в VI сатире (см. выше), согласно которой «Тот в сей жизни лишь блажен, кто малым доволен». Наречие «приятно» в реплике Хрисиппа противопоставляется краткому прилагательному «блажен» сатирического нарратора в VI сатире. «Приятность» опирается на материальное довольство, является воплощением суеты. А «блаженство» реализуется благодаря душевному спокойствию и свободе (См.: «Добродетель лучшая есть наша украса, / Тишина ума под ней и своя мне воля / Всего драгоценнее. Кому богатств доля / Пала и славы, тех трех благ может лишиться, / Хоть бы крайней гибели и мог ущититься» (С. 150)).

Притворная набожность тоже служит подробно обсуждаемой темой диалога между сатирами. Первым религиозным ханжой в галерее персонажей в сатирах Кантемира предстает вымышленный персонаж Критон в первой

сатире. Он жалуется, что нынешние «образованные» люди читают и толкуют Библию, не верят священнослужителям, не следуют старым нравам и обрядам, не ставят свечек в церкви, забывают пост, возражают против права церкви владеть богатствами и вторгаться в мирские дела. Старик-виноторговец в пятой сатире при первой встрече с Сатиром критикует дурного священнослужителя: «...церковь иль пуста, иль полна одними, / Кои казаться пришли иль видеться с теми, / Которых инде нельзя видеть столь свободно. / Молитвы, что поп ворчит, спеша сумасбродно, / Сам не зная, что поет, кто-кто примечает» (С. 126). Старик-виноторговец критикует то, что священнослужитель не понимает молитвы, а единомышленники Критона, «что пред тем, тихи и покорны, / Праотческим шли следом к божией проворны / Службе, с страхом слушая, что сами не знали» (С.58). Здесь мы видим расхождение между стариком и Критоном. Но не следует преувеличивать истинную набожность старика, это просто его лицемерное поведение. Он отвечает на насмешку Сатира над его лицемерием следующими словами: «Неужто ж мне Бог велит торговать с изъяном?» (С. 128). Во вступительной части VII сатиры мы тоже замечаем критику нарратором притворной набожности: «Если б я, видя кого, что с рук не спускает / Часовник и пятью в день в церковь побывает, / Постится, свечи кладет и не спит с женою, / Хоть отняв у бедного ту, что за душою / Одну рубашку имел, нагим ходить нудит, — / Если б я, видя, сказал: "Дружок, ум твой блудит; / Тем путем не войдешь в рай, и буде радеешь / Душу спасти, отдай назад, чем худо владеешь"» (С. 157). Нетрудно заметить, что нарратор VII сатиры не разделяет внешними религиозными обрядами, молитвами, на которые ориентируется религиозный ханжа.

Вымышленный персонаж Лука из I сатиры говорит хвалебное слово о достоинстве вина: «В веселье, в пирах мы жизнь должны провождати: / И так она недолга — на что коротати, / Крушиться над книгою и повреждать очи? / Не лучше ли с кубком дни прогулять и ночи? / Вино — дар божественный, много в нем провору: / Дружит людей, подает повод к разговору, / Веселит, все тяжкие мысли отымает, / Скучность знает облегчать, слабых ободряет, /

Жестоких смягчит сердца, угрюмость отводит, / Любовник легче вином в цель свою доходит» (С. 59). В «изъяснении» ранней редакции к этим стихам автор пишет так: «Тут пьяница изрядно исчисляет пользу, от употребления вина бывающую, понеже напоминает токмо добрые его эффекты, а умолчивает ссоры, драки, убийства, от пьянства происходящая»³⁶. Здесь мы видим конфликт между персонажем и комментатором, который хочет обратить внимание реципиента на вредность вина. В «примечании» поздней редакции отсутствуют толкование речи Луки и расхождение комментатора с ним, но в пятой сатире в описании Сатиром повального пьянства в городе Сатира мы видим развернутое изложение мысли о вредности вина. Когда Сатир пришел в город, его первым впечатлением оказывается мысль, что в городе был мор: «Пришед к воротам, нашел, что спит как убитый / Мужик с ружьем <...> / <...> а почти уж улица тесна / Была от лежащих тел...» (С. 123). «Как убитый», «мужик с ружьем» и «лежащие тела» – всё вызывает ассоциацию с «убийством». Кроме ассоциации с смертью, еще существуют сцены «драки»: «...один напоследок бьется, / Бахусом отягощен, в стену головою / И стену кровью кропит, и в смех над собою / Приводит зрителей; другой, безрассудну / Прю начав с кем встретился, сносит битву трудну / И вместе с вином блюет зубы с уст смердящих» (С. 124). Сатира гиперболично повествует о «бесстыдной песне» и «бесстройном шуме» на улице в связи с пьянством, которые не дают покоя даже глухому. Кроме того вреда, о котором умалчивает Лука и на который указывает комментатор в ранней редакции, в повествовании Сатира высказывается мнение, противопоставленное точке зрения Луки, считающего, что вино помогает достичь любви. С репликой Луки «Любовник легче вином в цель свою доходит» – перекликается повествование о развратности горожан: «В сластолюбных танцах часть гнусу грязь топтает / И мимоидущих грязнит, скользя, упавая, / Сами мерзки; другие, весь стыд забывая, / Телу полну власть дают пред стыдливым

---

³⁶ Издание 1956 не представляет полные «изъяснения» к первой редакции, поэтому здесь мы используем издание П. А. Ефремова (далее – издание 1867). См.: Кантемир А. Д. Сочинения, письма и избранные переводы кн. А. Д. Кантемира: В 2 т. / Статьи и примечания В. Я. Стоюнина, ред. П. А. Ефремова. Т. 1. СПб.: Тил. Глазунова, 1867. С. 201.

полом / И тщатся нахальливой рукой что подолом / Скрыл обычай обнажить...» (С. 124). Повтор слов «грязь» и «стыд» демонстрирует презрение Сатира к поведению горожан³⁷.

По поводу «отношения к правде» мы тоже видим отклики в разных сатирах. В IV сатире сатирический нарратор уговаривает свою музу, чтобы она не писала правду, поскольку правда никому не нужна и мало кто любит ее: «Да правда редко любя и часто некстати — / Кто же от тебя когда хотел правду знати? / Вдругорь скажу: не нравна — угодить не можно, / Всегда правду говоря, а хвалить хоть ложно, / Хоть излишно, поверь мне, более пристойно» (С. 110). В этом повествовании мы можем видеть, как относятся к правде простые люди. Старик-виноторговец в V сатире демонстрирует ту же самую позицию: «Видно, — отвечал старик, — что ум твой по телу / Груб, и не в людях ты рос: так ты врешь не к делу. / Кроме того, что товар дорог мне приходит / В лавку, сколько, знаешь ли, в подарках исходит / Судье, дьяку и писцу, кои пишут, правят / И крепят указы мне?...» (С. 127). По логике старика, если человек рос среди людей, то он должен уметь врать. Иными словами, «простые люди» не чуждаются обману, даже можно сказать «умение врать» является одним из атрибутов «простых людей». Следует обратить внимание на то, как относятся к плутовству виноторговца судья, дьяк и писец: они умалчивают об этом обстоятельстве. Однако во вступительной части IV сатиры сатирический нарратор сообщает своей музе о том, что отрицательный персонаж Кондрат «...стряпчих собрав, челобитну пишет, / Имея скоро меня уж на суд позвати» (С. 109), поскольку сатирик пишет правду. В VII сатире мы еще раз слышим сходный голос. В этот раз «народ» оправдывает себя: «...с зачатия нашего природа / Слабу душу нам дала, и к обману склонну, / И подчиненну страстям; и что ту законну / Над нами природы власть одолеть не можно» (С. 158). Склонность «обманывать» составляет натуру людей.

1.4. Выводы

---

³⁷ Об вопросе диалога о вине также пишет О. Л. Довгий. См. Довгий О. Л. Указ. соч. С. 11–14.

В данной главе мы выбрали из стихотворного текста сатир реплики, классифицировали их как два вида диалога – эксплицитный и имплицитный по двум элементам – 1) пара «адресант / адресат» 2) бахтинский термин «смысловая позиция». Мы рассмотрели особенности зачинов, выявляемых в диалоге в разных диалогических ситуациях, уделили особое внимание конструкции имплицитного диалога. Наше исследование показало следующее:

- 1) В сатирах выделяются 2 варианта имплицитного диалога: а) пара «адресант / адресат» является эксплицитной, а смысловые позиции коммуникантов – имплицитные; б) нет определенного адресанта и адресата, фрагмент сатиры как одна смысловая позиция ведет диалог-унисон или диалог-спор с другим таким же фрагментом. «Смысловые позиции» оказываются эксплицитными, а коммуниканты – имплицитными.
- 2) В сатирах Кантемира наблюдаются три диалогические ситуации: а) адресант обращается к адресату с определенной целью; б) случайная встреча; в) какое-либо особое обстоятельство служит импульсом для диалога.
- 3) Выявляются два вида имплицитного диалога: 1) диалог, в котором адресант ориентируется на определенного адресата; 2) диалог между сатирами.
- 4) Мы выявили 3 способа, демонстрирующих, как реализуется диалог через единственного нарратора в сатирах Кантемира: 1) стремление привлечь внимание адресата; 2) приглашение адресата к совместному размышлению; 3) диалог разных логик с целью проверки доказательств.
- 5) В сатирах наблюдаются реакции и размышления различных персонажей на определенные темы, их переключки создают диалог между сатирами.

Глава 2. Диалог между стихотворным текстом и прозаическими примечаниями

Авторские примечания³⁸ Кантемира являются «смысловой позицией». Они объясняют малопонятные слова, выражения, тропы; представляют краткое описание мифов, быта, исторических фигур, научных терминов; вступают в конфликт с отрицательной позицией; уточняют ход размышлений сатирического нарратора и персонажей; дополняют информацию; дают оценку и т. д. Примечания не только обращены к читателю, но и адресованы комментируемому тексту, например, примечание вступает в конфликт с отрицательной позицией. Мы полагаем, что примечание является реакцией на комментируемый текст, так что они составляют пару «адресант / адресат». Далее мы классифицируем «реакции» авторских примечаний Кантемира на стихотворный текст по их содержанию.

2.1. Конфликт

Самый яркий тип данного вида диалога (диалог между текстом и комментариями) представляет собой конфликт между нарратором

---

³⁸ Некоторые исследователи обращают особое внимание на авторские примечания. С точки зрения Н. Ю. Алексеевой, «в своих примечаниях Кантемир отстраняется от собственного текста, комментируя как сторонний читатель употребленные в нем малопонятные слова и выражения, а также и реалии. Его примечания к своим сочинениям неотличимы от сделанных филологом». См. Алексеева Н. Ю. Примечания Антиоха Кантемира к «Письмам Горация» // XVIII век. Сб. 27. СПб.: Наука. 2013. С. 8. При исследовании примечаний Кантемира П. Е. Бухаркин выявляет две функции примечаний Кантемира. См.: Бухаркин П. Е. История русской литературы XVIII века (1700–1750-е годы). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. С. 332–336.

примечаний и отрицательными смысловыми позициями.

1) Нарратор примечаний непосредственно обличает неразумность отрицательной позицией, например, в первой сатире отрицательный персонаж Силван винит науки в уменьшении урожая. Нарратор возражает ему так: «Ст. 45. *Гораздо в невежестве больше хлеба жали*³⁹. Не гораздо ли смешно приписывать наукам в вину то, что от одной лености земледельцев или от непорядочного воздуха происходить может» (С. 63). В V сатире виноторговец продавал людям вино с водой, которую вливал пополудни на церковном празднике, поскольку в тот день поутру он «упражняется в службе божией». Нарратор примечаний восклицает: «Ст. 290. *Пополудни*. <...> как бы воровство могло согласиться с богопочтительством» (С. 141).

2) Нарратор, допуская резонность возражения («хотя то правда»), тут же выдвигает новый аргумент в поддержку своей позиции («однако»). В I сатире притворный богопочтитель Критон критикует то, что науки вызывают расколы и ереси. Нарратор примечаний отвечает на его жалобу так: «Ст. 23. *Расколы и ереси*. Хотя то правда, что почти все ересей начальники были ученые люди, однако ж от того не следует, что тому причина была их наука, понеже много ученых, которые не были еретики...<далее приводятся доказательства нарратора примечаний – Ф. X.>» (С. 63).

3) Нарратор в примечании высказывает позицию отрицательного пресонажа, за ней излагается собственная позиция нарратора. Ханжа Критон в I сатире полагает, что чтение книг вредит набожности, нарратор примечаний так откликается на его тезис: «Ст. 25. *Приходит в безбожие*. Обыкновенное невежд мнение есть, что все, которые многому книг чтению вдаются, напоследок не признают бога. Весьма то ложно, понеже сколько кто величество и изрядный порядок твари познает, что удобнее из книг бывает, столько больше чтить творца природным смыслом убеждается; а невежество приводит в злые весьма о божестве мнения, как, наприклад, богу уды и страсти человеческие приписывать» (С. 63). Во II сатире положительный персонаж Филарет (любитель добродетели) обличает

---

³⁹ В следующих иллюстрациях комментируемые стихи выделены курсивом.

жестокость Евгения (дворянин) к своему слуге. Нарратор примечаний приводит собственную позицию оценки поведения Евгения: «Ст. 290. *Что махнул рукою вместо правой — левою.* За малейшую вину, каково есть махнуть одною рукою вместо другой, буде то виною назвать можно, бьешь до крови слугу <...> Должно бы и к виновным поступать с милостью, и, сколько можно, отдаляться побоев; а когда и нужда настанет к наказанию, наказывать беззлобно и в одном намерении, чтоб наказуемого исправить и его примером других от злочинства удержать, а не для насыщения склонности своей к озлоблению человека, который обороны против нас не имеет» (С. 86).

4) Нарратор примечаний заимствует позиции других, чтобы опровергать позицию отрицательного персонажа. В I сатире в хвалебном выступлении пьяницы Луки о достоинстве вина затрагивается тема того, что вино помогает добиться любви. Нарратор примечаний цитирует слова Святого Павла, отрицающие позицию Луки: «Ст. 100. *Любовник легче вином в цель свою доходит.* <...> Святой Павел говорит: *Не упивайтесь вином, в нем же есть блуд*» (С. 65). В I сатире нарратор примечаний упоминает книгу митрополита Дмитрия Ростовского, которая посвящена отрицанию «суеверия» простых людей о бороде: «Ст. 137. *Брюхо — бородою.* Широкою бороду и по брюху распущенну невежды священническому чину за особливую украсу приписуют Димитрий, митрополит Ростовский (писатель жития святых), целую книжицу сочинил против суеверия простолюдных о бороде. Напечатана в Москве в 1714 году. Раскольщики бороду брить в грех ставят» (С. 66).

2.2. Оценка

1) В примечаниях нарратор, как правило, заранее представляет характеристики вымышленных персонажей: «Ст. 26. *Критон с четками в руках ворчит.* Вымышленным именем Критона (каковы будут все в следующих сатирах) означаетя тут **притворного богочтения человек, невежда и суеверный, который наружности закона существу его**

предпочитает для своей корысти» (С. 63); «Ст. 41. *Силван другую вину*. Под именем Силвана означен старинный скупой дворянин, который об одном своем поместье радеет, охуждая то, что к распространению его доходов не служит» (С. 63); «Ст. 83. *Румяный, трожды рыгнув, Лука*. Лука — **пьяница ...»** (С. 64); «Ст. 107. *Медор. Щеголь* тем именем означен» (С. 65); «Писана она месяца два спустя после первой, разговором между Филаретом и Евгением — два подложные имена, **которых первое на греческом языке изобразует любителя добродетели**, а другое — *дворянина*» (С. 77); «Писана она разговором меж *Сатиром* и *Периергом*, **то есть любопытным**» (С. 138).

2) Нарратор описывает характеристики исторических фигур. В примечаниях к I сатире мы сталкиваемся с оценкой нарратором античных писателей: «Ст. 110. *Не сменит на Сенеку*. <...> Сего Сенеки имеются многие, и **почти лучшие из древних, нравоучительные книги**» (С. 65); «Ст. 112. <...> Еще в юношестве своем Цицерон речи говорил в сенате, **столь дерзновенны** против друзей Катилиновых...» (С. 66). В примечаниях к IV сатире мы видим оценки нарратором исторических фигур: «Ст. 51. *Ювенала, Персия, Горация*. **Славные** три римские сатирики <...> Третий жил во времена Августовы, у которого за **превосходство своего ума** был в особенной милости ...» (С. 115); «Ст. 54. *Того ж Боало причастник был права*. <...> В подражании древних стихотворцев весьма **удачлив**. Сатиры и письма его, нашего стихотворца **лучшая забава и предводители, соравняться могут тем, которыми древность хвастает ...»** (С. 115).

3) Нарратор оценивает современников. Во II сатире в речи Филарета затрагивается имя «Нейбуш». Нарратор говорит в примечании следующее: «Ст. 103. *Спросись хоть у Нейбуша*. Генерал-майор Нейбуш, приятель нашего стихотворца, **был знатный пиволюбец, впрочем честный весьма человек и храбрый воин, к которому он имел крайнее почтение**» (С. 80). В примечаниях к III сатире мы замечаем оценку нарратором Феофана Прокоповича: «Ст. 5. *Феофан*. <...> Феофан Прокопович четверем сряду государям любим и в почтении был: Петру Великому, императрице Екатерине, Петру Второму, императрице Анне. Между церковными не было

его ученейшего, и в народе таким почитан...» (С. 100).

4) Нарратор примечаний криктикует суеверия и пороки. В примечаниях к 60-ому стиху из II сатиры комментатор не соглашается с версией простых людей о кладе считает эту версию «суеверной»: «Ст. 60. *Клад богатый явился*. Многие у нас **суеверно** чают, будто клад, сиречь закопанные в землю сокровища, счастливым являются в виде кошки, собаки и других животных, которые где покажутся, на том же месте копать землю должно в надежде обильной находки» (С. 78). В примечании к 290-ому стиху из II сатиры нарратор удивляется отношению господина к своим слугам: «Ст. 290. *Что махнул рукою вместо правой — левою*. За малейшую вину, каково есть махнуть одною рукою вместо другой, буде то виною назвать можно, бьешь до крови слугу. **Весьма обличения достойна такая суровость** господ к служителям...» (С. 86). Комментатор высказывает свою критику по адресу алчности отрицательного персонажа Хрисиппа из третьей сатиры «Ст. 43. *За пищу, думал бы ты, Хрисипп суетится* и пр. <...> **Глупо**, напротив, имея все нужное для своих и для себя, собирать в одном сребролюбия намерении» (С. 102).

Иногда критика адресована не конкретному персонажу, а какому-то человеческому типу «Ст. 231. <...> Обыкновенно такие люди осуждением ближнего ищут свое благонравие оказывать» (С. 140-141); «Ст. 267. *В стропотном и столь злобном граде*. <...> Обыкновенно люди о делах по речам людским судят, мало суетятся исследовать истину собою» (С. 141).

5) В некоторых случаях комментатор дает положительную оценку персонажам. Во второй сатире Филарет упоминает несовершенного персонажа – Клита – как пример, чтобы показать Евгению, что он даже не способен быть придворным. Несмотря на недостаток Клита, комментатор не скупится на слова о его достоинствах: «Ст. 314. *Идучи упрямо в цель*. Клит не спит, томится в переднях, кланяется, ласкает, трудов своих не жалеет для исполнения своего желания; упрямо о том одном домогается, что получить желает, ничего его отвратить от своего намерения не сильно. **Такой терпеливости люди редко бывают неудачливы**» (С. 87).

б) В некоторых местах нарратор примечаний высказывает свое мнение о книге: В примечании к 19-ому стиху из IV сатиры мы замечаем следующую оценку: «Ст. 19. *Острожской печати*. Русская библия впервые напечатана в Остроге-городе в 1581 году по указу острожского князя Константина Васильевича, которая хотя **гораздо неисправнее** той, что в 1663 году в Москве издана...» (С. 115). А о книге Максимовича(Иоанна Тобольского) комментатор говорит так: «Ст. 143. *Что по целой азбуке святых житье водят*. <...> в ней, кроме имен святых и его высочества государя цесаревича Алексея Петровича, которому приписана, ничего путного не найдешь» (С. 117).

2.3. Уточнение

Комментатор иногда раскрывает подтекст, спрятанный в буквальном значении стихотворного текста.

В первой сатире сатирический нарратор рассказывает своему уму о двух главных импульсах человеческих действий – «польза и похвала». На самом деле он намекает на то, что «не обмыли люди или редко следуют добродетели держаться для того, что добродетель собою красна» (С. 66). Об этом мы узнаем от комментатора.

Во II сатире Филарет сталкивается с неактивной реакцией Евгения на его вопросы: «Что ж молчишь? Ужли твои уста косны стали?» (С. 68), нарратор примечаний комментирует, что «дивится Филарет Евгению, который знатно с природы был говорлив, а теперь, противно нраву своему, молчит» (С. 78). Без этого комментария мы плохо понимаем причину удивления Филарета, а тут нарратор примечаний уточняет смысл вопросов Филарета.

2.4. Дополнения

1) В связи с чем-то сатирический нарратор иногда не может высказать свое мнение полностью, а недосказанная часть реализуется через повествование

комментатора: «Ст. 11. *Меж мертвыми греки и латины.* Меж книгами древних греков и латин. **Меры нужда не позволила** стихотворцу нашему включить и новейших писателей...» (С. 151).

2) Сатирический нарратор осознанно игнорирует нечто, а комментатор добавляет эту информацию в комментариях. В примечании к первому стиху из VI сатиры «Тот в сей жизни лишь блажен, кто малым доволен...» (С. 147) комментатор говорит: «Блаженство будущия жизни иное есть, о котором в сатире говорить было бы неприлично» (С. 151). Вероятно, здесь под названием «иное блаженство» имеется в виду «фальшивое блаженство», которое противоречит теме сатиры – «об истинном блаженстве», поэтому сатирический нарратор умалчивает об этом в стихотворном тексте, а комментатор добавляет-информацию в своем примечании.

3) Стихотворный текст является немногословным, сжатым, прозаическое примечание расширяет и конкретизирует его.

«Ст. 310. *Никому почти он не верит.* Всегда осторожен против наветов; не всякому доверяет; легковёрный скоро в обман пасть может» (С. 87). В этом примере мы видим, что комментатор конкретизирует осторожность персонажа и указывает причину его осторожности – «легковёрный скоро в обман пасть может».

Во вступительной части V сатиры Сатир жалуется, что одежда людей тяжела и неудобна: «...Красоте радея, / Как осла златом себя тягчат; руки, шея, / Ноги, чреслы спутаны...» (С. 119). Комментатор в примечании дополняет описание словами, отсутствующими в тексте: «Руки запонками, шея галстуком, ноги подвязками и башмаками спутаны» (С. 138).

4) Иногда комментатор добавляет второстепенную информацию к стихотворному тексту, т.е. её отсутствие не мешает понимать стихотворный текст. В примечании к стиху «и глаза красны, как бы ночь не спали?» (С. 68) комментатор пишет: «От слез глаза краснеют не меньше, чем от бессония» (С. 77); «Ст. 83 и 84. *Золото на золоте всходит тебе на стол.* На золотых блюдах подают тебе такое дорогое кушанье, что можно и то золотом почесть. **Французские повары нашли то искусство, чтоб кушанье так дорогое**

стряпать» (С. 153); «Ст. 253. *Острый судья*. Именем судьи здесь разумеется всяк, кто рассуждает наши дела; **французы имеют на то речь: critique, котория жаль, что наш язык лишается»** (С. 171); «Ст. 110. *Нахала сказуя быть веселого нрава*. Называя его, нахала, человеком веселого нрава. **По несчастью, весьма часто видим сему образцы»** (С. 139); «Ст. 96, 97 и 98. *Запой в Амариллиных объятиях* и пр. Пиши эклоги, т. е. стихи о лесах, стадах и любви пастухов. *Амарилла, Ирис, Титир, Филен* суть имена пастушии. **В таких стихах между древними славен у греков Феокрит, у латин — Virгилий»** (С. 116).

2.5. Доказательство

В I сатире бражник Лука высказывает собственное мнение о том, что вино способствует «любви». В примечании к этому стиху мы видим, что комментатор выдвигает доказательство, чтобы аргументовать речи Луки: «Ст. 100. *Любовник легче вином в цель свою доходит*. Свидетельство сему есть Лотова история, которого дочери, его вином упоивши, похоть свою исполнили» (С. 65). Во вступительной части VII сатиры сатирический нарратор описывает типичный образ религиозного ханжи, в который включает характеристику «не спит с женою». В примечании мы наблюдаем, что комментатор приведет пример, который служит свидетельством: «Ст. 3. *Не спит с женою*. Знаю я таких людей, которые от возлежания с женою воздерживаются, забыв, что брак есть таинство и что потому исполнение брачной должности богу противно быть не может» (С. 164). Чтобы аргументировать позиции сатирического нарратора по поводу соотношения между возрастом и развитием ума, комментатор использует социальный феномен как доказательство: «Ст. 20. *Ум в людях не растет месяцем и годом*. Подлинно, ум в нас не растет по летам, но по прилежанию нашему. **Напротиву, часто видим, что человек, который в младенчестве казался острого ума, в возраст пришед, становится туп, бессмыслен и почти бездушный болван, и то — за недостатком прилежности»** (С. 165).

2.6. Выводы

Авторские примечания Кантемира являются «смысловой позицией». Примечание является реакцией на комментируемый текст, вместе они составляют пару «адресант / адресат». Мы классифицируем реакции авторских примечаний Кантемира на стихотворный текст по их содержанию. В данной главе мы выделяем пять типов авторских примечаний с точки зрения их содержания, через которых реализуются имплицитный диалог между стихотворным текстом и прозаическими примечаниями: 1) конфликт; 2) оценка; 3) уточнение; 4) дополнение; 5) доказательство.

Глава 3. Диалог между текстом и реципиентом

Мы полагаем, что тексты Кантемира (стихотворный текст и прозаические примечания) и его реципиенты составляют пару «адресант / адресат». Диалогичность заключается в различии интерпретаций того же самого текста разными реципиентами. Это видно в текстологических решениях разных изданий сочинений Кантемира⁴⁰. Кроме того, с вопросом о неуказанных источниках Кантемиром связана большая неопределенность. Точное определение не указанного Кантемиром источника всегда вызывает затруднения.

3.1. Интертекстуальность в сатирах Кантемира

Интертекстуальность понимается нами как «включение одного текста в другой, что может связывать тексты разных эпох, разноязычные и относящиеся к разным жанрам. В каждом тексте возможны наложения других („текст в тексте“), ассоциативные комбинации которых создают дополнительный смысл»⁴¹. Мы полагаем, что реципиент вступает в диалог с текстом при обнаружении «включения одного текста в другой».

Всесторонняя эрудиция Кантемира и относительная скудость его архива приводят к тому, что определить, под чьим влиянием были написаны конкретные стихи, всегда трудно. Несмотря на то, что вопрос об источниках сатир Кантемира достаточно подробно изучен предыдущими исследователями, в этой области до сих пор остается много неясного.

Кроме указанных источников, в сатирах можно обнаружить возможные подражания, которым уделялось большое внимание предыдущими исследователями. Среди известных нам исследований следует отметить объемную работу Ю. К. Щеглова, посвященную данной проблеме. Думается, однако, в некоторых случаях вопрос остается открытым. Ниже мы

---

⁴⁰ См.: Николаев С. И. Указ. соч. С. 3–14. С. И. Николаев заметил, что составители собраний по-своему воспринимают ряд сложных чтений.

⁴¹ Николаева Т. М. Текст // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 508.

рассмотрим эти полемические моменты и выдвинем нашу гипотезу. В трудных случаях, имея в виду претексты конкретных стихов Кантемира, мы предпочитаем термин «импульс» терминам «источник» или «подражание». Известно, что у сатир Кантемира есть две основные редакции. Он не только дополнил и изменил свой стихотворный текст, но и переработал примечания, служащие главной основой исследований, посвященных источникам сатир. В этой подглаве часть внимания уделена примечаниям, содержащим указание на источники стихотворного текста

3.1.1. «Импульсы» для конкретных стихов в сатирах Кантемира

В примечании к известному 1-ому стиху 1-ой сатиры Кантемир пишет так: «Тут наука значит наставление, действие того, кто другого кого учит» (С. 62). Иными словами, в данном случае «наука» обозначает «учение». Комментатор истолковывает данное слово, используя синоним «наставление». Автор много раз употребляет слово «наставление»: «В 1727 году, взят для наставления его величества Христиан Гольдбах, Санктпетербургской Академии наук секретарь» (примечание к 18 и 19 стихам из Сатиры I, С.63). Наш поэт перевел название «*Manière d'enseigner et d'étudier les belles lettres*» французского историка и педагога Роллена Шарля как «Правила наставления» (С.168). Прочитанный фрагмент Роллена привлекает наше внимание: «*Pour la vertu aussi bien que pour les sciences la voye des exemples est bien plus courte et plus sure que celles de precepts*» <Для добродетели, точно так же, как и для науки, гораздо короче и вернее путь примеров, нежели путь наставлений> (С.168).

«Путь наставлений» вызывает наш особый интерес. Первая строфа I сатиры (окончательная редакция) состоит из пяти предложений. Кроме первого предложения, представляющего собой обращение к своему уму, у остальных была любопытная структура – тема предыдущего предложения превращается в начало следующего предложения.

«Ни писав летящи дни века проводити можно, и славу достать, хоть творцом не слыти». В этом предложении «слава» является темой. Потом поэт говорит: «Ведут к ней нетрудные в наш век пути многи, на которых смелые не запнутся ноги; всех неприятнее тот, что босы проклали девять сестр». Несомненно, говоря о «ней» в данном случае стихотворец имеет в виду «славу». Во втором предложении «путь» является центральным образом. Далее говорится: «Многи на нем силу потеряли, не дошед; нужно на нем потеть и томиться, и в тех трудах всяк тебя как мору чужится, смеется, гнушается». В этом предложении «на нем» означает «путь, что босы проклали девять сестр», и здесь «многи» и «тебя», т.е. ученые или творцы, служат темой. Последнее предложение начинается следующим образом: «кто над столом гнется, пяля на книгу глаза». Такая структура похожа на цепь, каждое предложение как отдельное звено в этой цепи крепко соединяется друг с другом⁴². Из этого мы видим, что «путь» служит важнейшим звеном в этом фрагменте: Многие пути ведут к славе, только путь науки (наставления) не к ней. Очевидно, что поэт тут иронически говорит об обманывающей «славе». Кроме этого, мы замечаем, что автор в поздней редакции употребляет лексему «слава» вместо «хвала» ранней редакции. Прочная слава и истинное величие являются главной целью образования для Шарля Роллена⁴³. Роллен уделяет особое внимание отношению к бедности и богатству. Он разделяет со стоиками такое отношение к этим обстоятельствам, которое совпадает с выражаемой Кантемиром идеей «довольства малым»⁴⁴. Вероятно, тут переделка этой строфы под влиянием Роллена.

С точки зрения Ю. К. Щеглова, стих Ювенала «Пусть преславный Лукан возлежит среди мраморов сада» (Сатира VII, 79-80) служит источником стиха Кантемира во вступительной части первой сатиры – «ни расцвеченна

⁴² В статье «Стиль "Пиковой дамы"» В. В. Виноградов использует термин «сдвинутая конструкция» для описания сходной структуры в прозаическом тексте. См. Виноградов В. В. Стиль «Пиковой Дамы» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л. 1936. Вып. 2. С. 140–143.

⁴³ См. Роллен Шарль Трактат об образовании. М., 1908. Про эстетические взгляды Ш. Роллена См. Кибальник С. А. Об одной французско источнике эстетических взглядов Третьяковского // XVIII век: Сб. 13: Проблемы историзма в русской литературе: конец XVIII – начало XIX в. Л.: Наука, 1981. С. 219–218.

⁴⁴ См. Вступительная часть Сат. VI Кантемира.

мраморами саду»⁴⁵. Наверное, это не очень точно. Во-первых, мы полагаем, что в стихе Ювенала «мраморный сад» обозначает, скорее всего, архитектурный объект «Золотой дом», построенный по приказу Нерона⁴⁶, который представлял собой дворцово-парковый комплекс. Таким образом, в контексте Ювенала «мраморный сад» отдельно символизирует богатство. А если мы обращаем внимание на стихи Кантемира, нетрудно заметить, что «сад» в данном случае вместе с «большой палатой» метонимизируют богатство. В сатире написано так: «...больших не добьется / Палат, ни расцветенна мраморами саду» (С.57). В примечании к «мраморному саду» мы видим: «Украшенного статуями или столбами и другими зданиями мраморными оставляю». Видно, что «мраморный сад» не имеет значения «комплекс зданий». Во-вторых, в соответствии с авторскими примечаниями, мы видим, что поэт обычно подражает относительно полному описанию или заимствует его. Он предпочитает делать объектом подражания несколько стихов или один целый стих, а не одно словосочетание или одно слово.

В связи с тем, что в авторских примечаниях комментатор не указывает нам источник, естественно возникает вопрос: данный кантемировский стих оригинален или служит подражанием? Мы наблюдаем противоречие между этим стихом и русской реальностью периода Кантемира. В начале XVIII века не существует профессиональных писателей. Иными словами, писатели начала XVIII века не живут на авторский гонорар. Сам Кантемир занят дипломатической службой. Кроме того, во вступительной части ранней редакции первой сатиры мы не видим жалоб на бедность:

Покойся <к уму – *Ф. Х.*>, если хочешь прожить жизни без скуки:

<...>

Когда чту книгу кому – говорит: скучаю! (С. 361)

Таким образом, мы полагаем, что, может быть, здесь существует отклик на произведения античных или новоевропейских писателей, которые не раз обращались к теме «нищета писателей и ученых».

⁴⁵ Щеглов Ю. К. Указ. соч. С.42.

⁴⁶ Гаспаров М. Л. Лукан // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. Т. 4. М.: Советская энциклопедия, 1967. С. 441–442.

Интересно, что в авторском примечании VI сатиры мы находим такие стихи: «Малый свой дом, на своем построеный поле, / Кое дает нужное умеренной воле» (С. 147), в которых Кантемир подражает Горацию:

«Подражание касается следующих Горациевых стихов (книги II, сатира 6):

Nos erat in votis: modus agri non ita magnus.

Hortus ubi, et tecto vicinus jugis aquae fons.

Et pauium sylvae super his foret»

<Вот чего я желаю: небольшое поле, где бы был сад и рядом с домом неиссякаемый источник воды, и сверх всего этого небольшой лесок> (С.151).

Здесь мы замечаем полную картину спокойной жизни, которая противопоставляется комплексу богатства в первой сатире. У Горация «*non ita magnus*», а у сатирического нарратора I сатиры «большая палата» и «мраморный сад». Мы считаем, что, наверное, стихи Горация служат «импульсом» для фрагмента первой сатиры Кантемира.

Кроме того, Кантемир в своих стихотворных текстах и примечаниях несколько раз затрагивает определение «мраморный». В ранней редакции Сатиры II есть стихи: «Компас, правило в судах столь тебе знакомы, / Сколь сибирским вотьякам мраморные дома» (С.373). В «Изыяснении» к данным стихам написано так: «<...>Таким людям, чаю, довольно дики мраморные дома» (С.507). Очевидно, «мраморный» здесь не обозначает «украшенный статуями или столбами и другими зданиями мраморными», а просто, пожалуй, «каменный». Кроме этого, в примечании к 78-79 стихам из VI сатиры, комментатор пишет так «...Известно, что **мраморные украшения** и живопись лучшие из Италии выходят...»(С. 153). Кантемир, как правило, описывает роскошный образ жизни в «геоэкономических красках» (терминология Ю. К. Щеглова)⁴⁷, это проявляется и в VI сатире, и во II сатире: «...Пойло, что шлет Индия иль везут с Китая...». Вероятно, образ «мраморного сада», в какой-то степени, связывается с писательским навыком,

⁴⁷ Щеглов Ю. К. Указ. соч. С. 331.

состоящим в том, что описание роскошной жизни носит «геоэкономическую окраску»⁴⁸.

Следующий стих той же сатиры «Овцу не прибавит он к отцовскому стаду», «овца», может быть, связывается с христианском источником. В авторском примечании второй сатиры поздней редакции стихотворец комментирует 371-ой и 372-ой стихи фрагментом из Бытия:

(стихи Кантемира)

Адам дворян не родил, но одно с двух чадо

Его сад копал, другой пас блеющее стадо (С.77)

(авторское примечание)

«Каин, Адамов сын, был земледетель, а Авель — пастух, так об них говорит Моисей: «И бысть Авель пастырь овец, Каин же бе делая землю» (Бытия глава... Блеющее стадо. Стадо овец, ибо овцы блеют» (С.88).

Еще стихи и комментарий к ним из той же сатиры:

(стихи Кантемира)

От них мы все сплошь пошли, один поране

Оставя дудку, соху, другой — попозднее (С. 77)

(авторское примечание)

«Оставя пастушество и земледельство; дудку обыкновенно пастухи употребляют, а соха есть земледельное орудие» (С. 88).

Видно, здесь «пастушество» и «земледельство» символизируют человеческую деятельность. В первой сатире, сатирический нарратор, наверное, выбирает «пастушество» как свое дело. Почему именно «пастушество»? Вероятно, это связано с грехом Каина, убившего своего младшего брата из-за зависти. Надо оговориться, что тут Филарет (персонаж II сатиры, он произносит цитируемые стихи) не упоминает вину Каина, для него оба вида деятельности равны. Однако Кантемир затрагивает грех Каина в другом примечании к 157-ому стиху V сатиры ранней редакции: «Ст. 157.

---

⁴⁸ Любопытно, что Феофан Прокопович, цитируя крылатые слова римского императора Августа, затрагивает «мраморный». См.: Николаев Ю. К. Литературная культура петровской эпохи. 1996. СПб.: Дмитрий Буланин, С. 37.

Брат своего брата. Каин Авеля убил, что того жертва не как Богу приятна была, как сего» (изд. 1867, С. 274).

Кроме этого, мы наблюдаем в одах Горация следующие стихи с упоминанием «овечьего стада»:

Вот пасут пастухи жирных овец стада;
Лежа в мягкой траве, тешат свирелью слух
Богу Пану, кому по-сердцу скот хранить
В темных рощах Аркалских гор.⁴⁹

Мы знаем, что в V сатире главный нарратор Сатир тоже служит у лесного бога Пана, и «описуется от стихотворцев смешливы и сластолюбивы». В какой-то степени, Сатир является воплощением сатирика. В этой оде Горация пастухи тоже представляют собой слуг Пана. Вероятно, этот фрагмент оды Горация служит для Кантемира импульсом сочинения отрывка про «овечье стадо».

3.1.2. Источник и авторские примечание Кантемира

В ранней редакции Кантемир употребляет слово «изъяснение», чтобы обозначить комментарий к своим сатирам. В поздней редакции сатир принят термин «примечание»⁵⁰. Различие между «изъяснениями» и «примечаниями» заключается не только в названии, но и в содержании. В самом начале «изъяснения» комментатор обычно указывает нам общий образец, которому подражает та или иная сатира. В изъяснении к «Сатире I» образец не упоминается (хотя мы знаем, что он есть: сатира «К уму своему» - это подражание сатире Буало «A son esprit»); в «Сатире II» в качестве общих образцов упоминаются «Сатиры VIII» Ювенала и 5-ой сатира Буало; в «Сатире III» указывается: «В сей сатире автор наш имитовал Феофраста, греческого философа, и из новейших Лабрюера»; В «Сатире IV» автор

⁴⁹ Гораций Квинт Флакк Полное собрание сочинений / Перевод под ред. и с примечаниями Ф. А. Петровского, вступительная статья В. Я. Каплинского. М., Л.: Academia. 1936. С. 163.

⁵⁰ Только в одном единственном списке, содержащем текст окончательной редакции сатирического цикла и других сочинений Кантемира, мы видим заглавие данной книги «Сатиры и другие стихотворные сочинения князя Антиоха Кантемира с историческими примечаниями».

имитировал «многое из седьмой сатиры Буало и нечто из первой сатиры Ювенала»; пятая сатира Кантемира «сделана на подражание» 8-ой сатиры Буало. Функция комментария в окончательной редакции сатир меняется – смысл комментария здесь только в том, чтобы указать источники конкретных стихов.

В «изъяснении» автор также показывает нам источники конкретных мест, но количество их меньше, чем в «примечании». Приведем Сатиру II как пример (см. таблицу 1):

Таблица 1	
Изъяснения к 2-ой сатире	Примечания к 2-ой сатире
1. русская пословица: спесь только лошадям пристала	1. Ювенал. Сат. VIII, ст. 20
2. <i>Auri sacra fames, quo non mortalia pectora cogis!</i> (Вергилий. Энеида, книга 3)	2. Буало. Сат. V, от стиха 44 по 54. 3. Эзоповская притча
3. Саллюстий «Югуртинская война»	4. Ювенал. Сат. VIII, ст. 10 5. Вергилий. Энеида, книга I
4. Бытие	6. Ювенал. Сат. XII 7. Бытие

В некоторых случаях в поздней редакции Кантемир изменяет характер своих комментариев. См. таблицу 2:

Таблица 2	
Ранняя редакция	Поздняя редакция
«...А вино не таково; много в нем провору: Дружит людей, причину дает к разговору, Веселит, все тяжкие думы прекращает, Смела творит, к взаимной любви побуждает, Жестоких умягчает сердца,	«...Вино—дар божественный, много в нем провору: Дружит людей, подает повод к разговору, Веселит, все тяжкие мысли отымает, Скудость знает облегчать, слабых ободряет, Жестоких смягчит сердца, угрюмость отводит...»

всеполезно...» (С.364)	(С. 59)
Изъяснение:	Примечание:
«Ст. 115. <i>А вино не такого.</i> Тут пьяница изрядно исчисляет пользу, от употребления вина бывающую, понеже напоминает токмо добрые его эффекты, а умалчивает ссоры, драки, убийства, от пьянства происходящая».(Изд. 1867. С. 201)	« <u>Ст.95.</u> <i>Вино — дар божественный.</i> Гораций нечто подобное говорит в следующих стихах своего V письма, книги I: Quid non ebrietas designat? operta recludit: Spes jubet esse ratas: in praelia trudit inermem; Sollicitis animis onus eximit: addocet artes Fecundi calices quem non fecere disertum! Contracta quem non in paupertate solutum! <Чего только не совершает опьянение! Оно обнаруживает скрытое, побуждает к осуществлению чаяний, увлекает в сражение безоружного, снимает бремя с озабоченных душ, учит искусствам. Обильные чаши кого только не одаряли красноречием! Кого только не освобождали от тягот крайней нищеты!>» (С. 65)

Нетрудно заметить, что по содержанию стихотворный текст двух редакций не сильно различается. В ранней редакции автор толкует свои стихи и вступает в конфликт со своим отрицательным персонажем, а в поздней редакции он указывает свой источник.

Приведем еще пример (см. таблицу 3):

Таблица 3

Ранняя редакция	Поздняя редакция
<p>«Победил ли сам враги? дал пользу народу?</p> <p>Устрашил ли действиями Нептуна власть — воду?</p> <p>Сокровища ль царские тобой умноженны?</p> <p>Презрев покой, подъял ли сам труды военны?</p> <p>Иль, коли случай, младость в то не допустила,</p> <p>Впредь в том показать себя есть ли ум и сила?</p> <p>Изрядно можешь сказать, что ты благороден»</p> <p>(С. 372)</p>	<p>«Презрев покой, снес ли ты сам труды военны?</p> <p>Разогнал ли пред собой враги уstraшенны?</p> <p>К безопаству общества расширил ли власти</p> <p>Нашей рубеж? Суд судя, забыл ли ты страсти?</p> <p>Облегчил ли тяжкие подати народу?</p> <p>Приложил ли к царскому что ни есть доходу?</p> <p>Примером, словом твоим ободрены ль люди</p> <p>Хоть мало очистить злых нравов темны груди?</p> <p>Иль, буде случай, младость в то не допустила.</p> <p>Есть ли показаться в том впредь воля и сила?</p> <p>Знаешь ли чисты хранить и совесть и руки?</p> <p>Бедных жалки ли тебе слезы и докуки?</p> <p>Не завистлив, ласков, прав, не</p>

	<p>гневлив, беззлобен, Веришь ли, что всяк тебе человек подобен? Изрядно можешь сказать, что ты благороден»</p>
Изъяснение:	Примечание:
<p>«Ст. 124. <i>Нептуна власть</i>. Нептун, брат Юпитера и Плутона, сын же Сатурна, есть (по баснословию древних) бог, который водами морскими владеет.</p> <p>Ст. 128. <i>Ум и сила</i>. Сиречь, можешь ли снести положенныя на тебя дела? Будет ли довольно к тому смысла и мужества, такожде твердого и здравого разсуждения» (Изд. 1867. С. 219)</p>	<p>«Ст. 83. <i>Презрев покой, снес ли ты</i>. От сего стиха по 97-й есть подражание Боаловых, сат. V, от стиха 44 по 54.</p> <p>Montrez nous cette ardeur qu'on vit briller en eux? Ce zèle pour l'honneur, cette horreur pour le vice? Respectez vous les loix? fuyez vous l'injustice? Savez vous pour la gloire oublier le repos? Et dormir en plein champ le harnois sur le dos? Je vous connais pour noble à ces illustres marques, etc.</p> <p><Покажите нам тот дар, который пылал в них, ту ревность к чести, то отвращение к пороку. Уважаете ли вы законы? Избегаете ли несправедливых</p>

	<p>деяний? Умеете ли вы забывать покой для славы, и спать в чистом поле, не снимая доспехов? По этим знакам я признаю вас за благородного.></p> <p>Ст. 86. <i>Суд судя, забыл ли ты страсти?</i> Забыл ли ты свои страсти, которые часто право судить мешают?</p> <p>Ст. 92. <i>Впредь воля и сила.</i> Ко всякому предприятию одна воля не довольна, нужна и сила; много мы хотим — мало что можем.</p> <p>Ст. 96. <i>Веришь ли, что всяк тебе человек подобен?</i> Не предпочитаешь ли себя прочим людям? Чаешь ли, что они тебе подобны? Что ты их не лучше, не бесстрастнее, что они тебе в добродетелях соравняться могут, буде не превосходят?» (С.79)</p>
--	---

Пример, представленный в таблице 3, представляет фрагмент ответа положительного персонажа отрицательному персонажу в Сатире II (в ранней редакции, по определению автора, Аретолос является любителем добродетели, Дворянин – отрицательный персонаж; в поздней редакции автор переименовал Аретолоса в Филарета, а Дворянина в Евгения). В этом примере мы видим, что в обеих редакциях употребляется ряд риторических вопросов, чтобы показать, что такое «истинная благородность». В поздней редакции изменяется порядок вопросов (Вопрос «Презрев покой, снес ли ты сам труды военные?» поставлен в начале и «Иль, коли случай, младость в то не допустила, / Впредь в том показать себя есть ли ум и сила?» -- в середине фрагмента), конкретизируется вопрос (в ранней редакции просто написано «дал пользу народу?», а в поздней «Облегчил ли тяжкие подати

народу?»), добавляется новое содержание (в ранней редакции не затрагиваются совесть и отношение к суду и бедным людям). Несмотря на перечисленные различия, по форме и по содержанию обе редакции во многом похожи друг на друга. Но в ранней редакции автор толкует только мифологический персонаж и одно сжатое предложение («Иль, коли случай, младость в то не допустила, / Впредь в том показать себя есть ли ум и сила?»). В поздней редакции комментатор добавляет два примечания к новым стихам и указывает свой источник.

В этом смысле исключением служит Сатира V. В «изъяснениях» к этой сатире встречается много указаний на источники определенных стихов. Комментатор здесь не только представляет нам свой непосредственный источник, но и источник источника. В «изъяснении» к 130-ому стиху комментатор пишет: «от самого 120 стиха по сей стих автор наш имитовал следующие Боаловы стихи: «Jamais pour y aggrandir...s'egorger soi même». Господин Боало сии свои стихи выбрал из Ювенала и Горация, как именно его толкователь означил в примечаниях своих; потому видно, что стихотворцам красть таким образом позволено». Вероятно, информацию об источниках сатир Буало Кантемир получил из примечаний К. Бросета к сатирам Буало, на которые, как показал И. З. Серман⁵¹, русский сатирик ориентировался, когда работал над «изъяснениями». Однако видно, что Кантемир не копирует Бросета: в частности, в примечании Бросета к процитированному стиху VIII сатиры Буало в качестве источника назван Ювенал, однако вместо Горация указана в качестве источника пародия на трагедию Корнеля «Цинна» («parodiés du Cinna, Tragédie de Corneille»). Корнель же у Кантемира не упоминается⁵².

Кроме источников стихотворного текста, в своих комметариях Кантемир также указывает источник некоторых своих примечаний. В поздней редакции

---

⁵¹ J. Z. Serman The Literary Context in Russian Eighteenth Century Esthetics // Russian Literature Triquarterly № 21. 1988. С. 15. Причем, скорее всего, терминология Кантемира сложилась под влиянием издания сочинений Буало с комментариями Бросета. Название книги «Oeuvres de Boileau Despreaux, avec des Eclaircissements Historiques» совпадает с названием поздней редакции сатир Кантемира; в ранней редакции сатирик предпочитает использовать слова «имитация», «имитован», «имитовал», как в «Сочинениях Буало» сокращение слова «imitation», восходящее к латинскому языку «imitatio».

⁵² Oeuvres de Nicolas Boileau Despreaux, avec des Eclaircissements Historiques donnés par lui même & rédigés par M. Brossette; augmentées de plafeurs Pieses, tant di l'Auteur, qu'ayant rapport à ses Ouvrages; avec des Remarques & des Dissertations Critiques. Par M. De Saint- Marc. Nouvelle édition. Tome premier. Amsterdam., 1775. P. 165-167.

добавляются неуказанные источники «изъяснений» ранней редакции. Например, в «примечании» к стиху «...солнце ль движется, или мы с землю?» комментатор указывает непосредственный источник в скобках: «Фонтенелл «О множестве миров», вечер 1-й». В «изъяснении» этого нет. В авторских примечаниях к поздней редакции упоминаются такие книги, как «Большой исторический словарь» Луи Морери, «История богов» и «История поэтов» («*Historia de Deis gentium*» и «*Historiae poetarum tam graecorum quam latinorum*») Джиральди⁵³, «Синописис русской истории». Нам удалось обнаружить, к чему конкретно восходят некоторые фрагментов примечаний, которые Кантемир не снабжает указанием на источник (мы использовали опись его библиотеки)⁵⁴. См. таблицу 4.

Таблица 4	
Примечания:	«Большой ист. Словарь» Луи Морери
«Виргилий, стихотворец латинский, был сын некоего горшечника из города Аиды в провинции Мантуанской, где родился 15 октября в 684 лето по созданию Рима, то есть в 27-е пред рождеством Христовым. В Рим приехав, за его превосходный ум охотно с ним дружбу свели многие из знатнейших города, между которыми были первые император Август, Мecenат и Поллион. Весь свет дивится стихам его, которыми у всех	«Virgile, poëte te Latin, fils d'un potier d'Andes, dans le territoire de Mantoue, où il naquit le 15 octobre de l'an 684 de Rome, & 70 avant J.C. <...> il alla à Rome, où fon mérite l'infinua dans l'amitié des plus beaux efprits & des plus illustres perfonnes de fon temps, entre autres de l'empereur Augufte, de Mécenas & de Pollion. Il compofa des vers que tout le monde admira <...> auffi eft-il regardé comme le prince des poëtes Latins. Ce poëte mourut âgé de 51 ans, à Brindes en'Calabre <...> l'an 735 de Rome <...> revenant de Grèce avec Augufte. Son corp fut porté près de

⁵³ Алексеев М. П. «Пророче рогатый» Феофана Прокоповича / Из истории русских литературных отношений XVIII-XX веков. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1959. С. 22.

⁵⁴ Александренко В.Н. К биографии князя А. Д. Кантемира. Варшавские университетские известия. №2. отд. III. С. 15-24; №3. отд. IV. С. 25-46. Варшава. 1896.

<p>достал себе имя князя стихотворцев латинских. Умер в Бринде, городе Калаврии, возвращаясь с Августом из Греции в лето по созданию Рима 735, в 51 своего возраста, и погребен близ Неаполя». (С. 65)</p>	<p>Naples <...> ». ⁵⁵</p>
<p>«Сенека был философ секты стоической, учитель Нерона — императора римского, от которого убит лета Христова 65. Сего Сенеки имеются многие, и почти лучшие из древних, нравоучительные книги.»(С. 65)</p>	<p>«Sénèque philofophe Stoïcien <...> Il mourut l’an 65 de Jefus-Chrift, & le ? du regne de Néron <...> Sénèque a compofé plufieurs ouvrages de philofophie morale <...> Ces derniers poutoient bien être l’ouvrage de fon pere » .⁵⁶</p>

Мы видим, что Кантемир тут цитирует почти дословно, можно сказать, он выбирает часть словарной статьи, важной для него, и переводит её, особенно в первом примере.

Кроме того, обратим внимание на несовпадение хронологии в первом примере. Во французском словаре дата рождения Вергилия написана «70 avant J.C.», а в «примечании» – «в 27-е пред рождеством Христовым». В «изъяснении» многоточие вместо «27-е». А.С.Елеонская⁵⁷ считает, что хронологическая ошибка возникает в связи с тем, что сатирик цитирует по памяти, не обращая снова к оригиналу источника. Но в данном случае это не хронологическая ошибка, а математическая, поскольку их начальная часть совпадает, т.е. «родился 15 октября в 684 лето по созданию Рима». Поэтому эта ошибка, скорее всего, должна быть приписана переписчикам.

Исходя из вышесказанного, видно, что большое количество привлекающих наше внимание изменений и неясных мест в «примечаниях» поздней редакции требуют проверки, уточнения и описания в дальнейшем

⁵⁵ Le Grand Dictionnaire historique ou le mélange curieux de l’histoire Sacrée et profane. Par Mr. Louis Moréri, Prêtre Docteur en théologie. Nouv. ed. de 1759. T. X. C. 657.

⁵⁶ Там же. С. 338.

⁵⁷ Елеонская А. С. Древнерусские мотивы в произведениях А. Д. Кантемир // Кантемир и русская литература. / отв. ред.: А. С. Курилов. М.: Наследие, 1999. С. 11–12.

исследовании. Видно также, что имеющиеся современные комментарии к сатирам Кантемира содержат далеко не исчерпывающую информацию об источниках сатир и авторских примечаний к ним.

3.2. Пунктуация в сатирах Кантемира

В связи с хаотичной языковой ситуацией петровского периода предыдущие исследователи не уделяют особого внимания пунктуации авторов этого времени⁵⁸. Любопытно, что обнаруживаются пунктуационные различия между первой и второй редакциями в издании 1956 г., выявляемые в одних и тех же стихах.

Мы учитываем то, что пунктуационные различия, наверное, вызывают у читателей разные интерпретации того же самого стиха. Обратимся сразу к примерам таких мест. В первой редакции первой сатиры мы находим следующие стихи:

Не писав дни летящи века проводити
можно и хвалу достать, хоть творцом не слыти.

А во второй редакции мы видим такие:

Не писав летящи дни века проводити
Можно, и славу достать, хоть творцом не слыти.

Пропустив различие между словами «хвалу» и «славу», мы отметим, что после слова «можно» в первой редакции отсутствует запятая. Мы еще рассмотрим другие издания сатир Кантемира. Издание Ефремова (т.е. изд. 1867) включает в себя обе редакции.

Окончательная редакция:

Не писав летящи дни века проводити
Можно, и славу достать, хоть творцем не слыти.

Первоначальная редакция:

Не писав, дни летящи века проводити

---

⁵⁸ По поводу роли пунктуации в тексте пишет Б.И.Осипов. См. Осипов Б. И. Судьбы русского письма. М.; Омск.: Омский научный вестник, 2010. 319 с.

Можно и хвалу достать, хоть творцом не слыти.

Мы видим, что в данном издании есть два пунктуационных различия. В первоначальной редакции после слова «писав» ставится запятая, а после «можно» нет. В окончательной редакции – как раз наоборот. Помимо этого, в данном издании стоит ударение перед цезурой.

Издание 1762 г.⁵⁹ содержит только окончательную редакцию:

Не писав летящи дни века проводити

Можно, и славу достать, хоть творцем не слыти.

Мы обнаружили еще 8 рукописных списков первоначальной редакции, хранящихся в отделе рукописей РНБ. В рукописных списках представлены разные варианты: в половине из них запятая существует, а в другой половине отсутствует:

Неписав дня летящи века проводити

Можно, и хвалу достать, хоть творцом не слыти.(РНБ, F.XIV.3)

Неписав дни летящи века, проводити

Можно, и хвалу достать, хоть творцом неслыти (РНБ, Q.XIV.22)

Неписав дни летящи века проводити

Можно, и хвалу достать хоть творцом неслыти (РНБ, Q.XIV.122)

Неписав дни летящи – века проводити,

Можно, и хвалу достать – хоть творцом неслыти,(РНБ, F.XIV.8)

Последний список более любопытный. Переписчик в каждом стихе ставит тире как знак цезуры и запятую как конец стиха. Несмотря на то, что после «можно» ставится запятая, запятая в конце стиха нарушает понимание читателем этого стиха.

Неписав дни летящи века проводити

Можно и хвалу достать хоть творцом неслыти. (РНБ, Q.XIV.5)

Неписав дни летящи века проводити,

Можно и хвалу достать хоть творцом неслыти. (РНБ, Q.XIV.166)

Неписав дни летящи века проводити,

Можно и хвалу достать хоть творцом неслыти. (РНБ, Q.XIV.167)

---

⁵⁹ Кантемир А. Д. Сатиры и другие стихотворческие сочинения. СПб., 1762. 208 с.

Неписав дни летящи века проводити,

Можно и хвалу достать хоть творцом неслыти. (РНБ, Q.XIV.6)

Вероятно, в данном списке отражается редакторское понимание того же самого стиха в связи с конечной запятой после «проводити».

Видно, что у каждого переписчика своеобразная пунктуация. Варьирование рукописных списков и разных изданий наглядно демонстрирует, что инверсированный стих и читался с трудом. Возможно, за этим стояли различные интерпретации.

3.3. Выводы

В данной главе мы рассмотрели диалог между единым целым текста и реципиентом в двух аспектах: интертекстуальном и пунктуационном. Мы выдвинули гипотезы об импульсе (возможном источнике) конкретных стихов сатир Кантемира и источнике кантемировских примечаний, рассматриваем один пример вариантов пунктуации в разных изданиях и списках сатир. Мы полагаем, что «неопределенность» (в данном случае мы имеем в виду интертекстуальная и пунктуационная) сатир Кантемира дает возможность разных интерпретаций. Понимание сатиры реципиентом и высказывание самой сатиры составляют диалог.

Заключение

В данном исследовании мы выделяем два компонента диалога (пара «адресант/адресат» и понятие «смысловая позиция», введенное в научных обиход М. М. Бахтиным), чтобы определить виды и классифицировать диалоги, возникающие в сатирах А. Д. Кантемира и связанные с этими произведениями.

Мы заметили, что существуют два вида диалога (имплицитный и эксплицитный) внутри сатир, они возникают в связи с имплицитностью одного из двух названных выше компонентов диалога. Наблюдения

показывают, что разные диалогические ситуации и различные отношения между адресантом и адресатом оказывают влияние на зачины диалога. Кроме того, мы видим, что, когда компонент «смысловая позиция» является имплицитным, единственный нарратор путем привлечения внимания адресата, приглашения адресата к совместному размышлению и самопроверки ведет диалог с вымышленным адресатом. Если компонент пара «адресант / адресат» оказывается имплицитным, то диалог строится на отрицании и на согласии разных «смысловых позиций».

Нами установлено, что стихотворный текст и прозаические примечания составляют пару «адресант / адресат». Между ними складывается диалог, который реализуется через реакции на комментируемый текст, выраженные в форме примечаний.

Результаты итогового анализа текстов сатир и примечаний к ним в двух аспектах (интертекстуальном и пунктуационном) приводят к выводу о том, что «неопределенность» единого текстового целого как «смысловая позиция» ведет диалог с интерпретациями текста реципиентами. Описание диалогизма в сатирах А. Д. Кантемира далеко не закончено. Продолжение исследования может состоять в уточнении перечисленных выше пунктов, в анализе более широкого круга материалов, а также в более подробном анализе особенностей диалога между текстом и реципиентом.

Список использованной литературы

I. Тексты

1. Гораций Квинт Флакк Полное собрание сочинений / Перевод под ред. и с примечаниями Ф. А. Петровского, вступительная статья В. Я. Каплинского. М., Л.: Academia. 1936. 447 с.
2. Кантемир А. Д. Сатиры. РНБ, F.XIV.3.
3. Кантемир А. Д. Сатиры. РНБ, F.XIV.8.
4. Кантемир А. Д. Сатиры. РНБ, Q.XIV.5.
5. Кантемир А. Д. Сатиры. РНБ, Q.XIV.6.
6. Кантемир А. Д. Сатиры. РНБ, Q.XIV.22.

7. Кантемир А. Д. Сатиры. РНБ, Q.XIV.122.
8. Кантемир А. Д. Сатиры. РНБ, Q.XIV.166.
9. Кантемир А. Д. Сатиры. РНБ, Q.XIV.167.
10. Сатиры и другие стихотворческие сочинения князя Антиоха Кантемира и историческими примечаниями и кратким описанием его жизни / Издание со статьей И. С. Баркова и под его редакцией. СПб., 1762. 208 с.
11. Сочинения, письма и избранные переводы кн. А. Д. Кантемира / Статья и примечания В. Я. Стоюнина, ред. П. А. Ефремова. Т. 1–2. СПб.: Тип. Глазунова, 1867–1868.
12. Кантемир А. Д. Собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1956. 544 с.
13. Роллен Ш. Трактат об образовании / Пер. П. П. Перова. М.: К. Тихомиров, 1908. 428 с.
14. Oeuvres de Nicolas Boileau Despreaux, avec des Eclaircissements Historiques donnés par lui même & rédigés par M. Brossete ; augmentées de plusieurs Pièces, tant de l' Auteur, qu'ayant rapport à ses Ouvrages ; avec des Remarques & des Dissertations Critiques. Par M. De Saint-Marc. Nouvelle édition. Tome premier. Amsterdam, 1775. 572 p.

II. Научная литература

15. Александренко В. Н. К биографии князя А. Д. Кантемира. Варшавские университетские известия. №2. отд. III. С. 1–24; №3. отд. IV. С. 25–46. Варшава, 1896.
16. Алексеев М. П. «Пророче рогатый» Феофана Прокоповича // Из истории русских литературных отношений XVIII—XX веков. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1959. С. 17–43.
17. Алексеева Н. Ю. Примечания Антиоха Кантемира к «Письмам Горация» // XVIII век. Сб. 27. СПб.: Наука, 2013. С. 4–25.
18. Бахтин М. М. «Проблема поэтики Достоевского» // Бахтин М. М. Собрание сочинений в 7 томах. / ред. С. Г. Бочаров, В. В. Кожинов Т. 6. М.:

- Русские словари; Языки словянской культуры. 2002. С. 6–301.
19. Бердникова Т. В. От риторики к пиитике: к проблеме развития диалога в поэзии эпохи классицизма (на материале лирики А. Кантемира, М. В. Ломносова, А. П. Сумарокова) // Гуманитарный вектор. № 4. 2012. С. 18–22.
  20. Бухаркин П. Е. История русской литературы XVIII века (1700–1750-е годы). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. 486 с.
  21. Веселитский В. В. Антиох Кантемир и развитие русского литературного языка. М.: Наука, 1974. 71 с.
  22. Виноградов В. В. Стиль «Пиковой дамы» // Виноградов В. В. Избранные труды: О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. С. 176–239.
  23. Гаспаров М. Л. Русский силлабический тринадцатисложник // Гаспаров М. Л. Избранные труды. Т. 3. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 132–157.
  24. Гершкович З. И. К вопросу об эволюции мировоззрения и творчества А. Д. Кантемира (проблемы «девятой» сатиры) // XVIII век. Сб. 3. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1958. С. 44–64.
  25. Гершкович З. И. К истории создания первых сатир Кантемира // XVIII век. Сб. 5. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1962. С. 349–357.
  26. Глаголева Т. М. К литературной истории сатир кн. А. Д. Кантемира (Влияние Буало и Лабрюйера) // Известия Отделения русского языка и словесности. № 2. 1913. С. 143–187.
  27. Глариантова Е. В. Античные и христианские источники в творчестве Антиоха Кантемира // Знание. Понимание. Умение. № 4. 2007. С. 167–171.
  28. Довгий О. Л. «Диалог» текстов А. Д. Кантемира о вине // Русская речь. № 6. М.: Наука, 2011. С. 11–14.
  29. Елеонская А. С. Древнерусские мотивы в произведениях А. Д. Кантемира // Кантемир и русская литература. / отв. ред.: А. С. Курилов. М.: Наследие. 1999. С. 7–19.
  30. Кибальник С. А. Об одной французско источнике эстетических взглядов Тредиаковского // XVIII век: Сб. 13: Проблемы историзма в русской литературе: конец XVIII – начало XIX в. Л.: Наука, 1981. С. 219–218.

31. Кожина М. Н. О диалогичности письменной научной речи / Пермский государственный университет им. А. М. Горького. Пермь.: ПГУ, 1986. 91с.
32. Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка. СПб.: Авалон; Азбука классика, 2005. С.362–366.
33. Леонов С. А. Пословицы и поговорки в творчестве А. Д. Кантемира // Литература древней Руси и XVIII в / Ред. Коллегия: проф. Н. В. Водовозов (отв. ред.) и др. М.: 1970. С. 312–325.
34. Муравьева Л. Р. Проблема так называемой «девятой» сатиры А. Д. Кантемира // XVIII век. Сб. 5. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1962. С. 153–178.
35. Николаев С. И. Литературная культура петровской эпохи. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 149 с.
36. Николаев С. И. Трудный Кантемир // XVIII век. Сб. 19. СПб.: Наука, 1995. С. 3–14.
37. Одесский М. П. Кантемир и Поуп // Прометей. Т. 16. М.: Молодая гвардия, 1990. С. 251–261.
38. Одесский М. П. Условное собеседование в сатирах А. Д. Кантемира // Антиох Кантемир и русская литература. отв. ред.: А. С. Курилов. М.: Наследие. 1999. С. 127–139.
39. Осипов Б. И. Судьбы русского письма: история русской графики, орфографии и пунктуации. М.; Омск.: Омский научный вестник, 2010. 319с.
40. Пумпянский Л. В. Кантемир // История русской литературы. Т. 3. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1941. С. 176–214.
41. Руднев Д. В. Система связочных глаголов в произведениях Антиоха Кантемира // Acta linguistica petropolitana. Т. IX. №2. 2013. С. 470–494.
42. Тимофеев Л. И. Очерки теории и истории русского стиха. М.: ГИХЛ, 1958. С. 277–209.
43. Тихонравов Н. С. Неизданная сатира кн. А. Д. Кантемира // Библиографические записки. 1958. № 3. С. 65–74.
44. Шкляр И. В. Формирование мировоззрения Антиоха Кантемира // XVIII век. Сб. 5. СПб.: Издательство АН СССР, 1962. С. 129–152.

45. Щеглов Ю. К. Антиох Кантемир и стихотворная сатира. СПб.: Гиперион, 2004. 720с.
46. J. Z. Serman The Literary Context in Russian Eighteenth Century Esthetics // Russian Literature Triquarterly: Journal of translation and criticism. №. 21. 1988. P. 15–24.

III Справочная литература

47. Гаспаров М. Л. Лукан // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. Т. 4. М.: Советская энциклопедия, 1967. С. 441–442.
48. Николаева Т. М. Текст // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 508.
49. Дускаева Л. Р. Диалогичность речи (письменной) // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта; Наука, 2011. С. 45–53.
50. La Grand Dictionnaire historique ou le mélange curieux de l’histoire Sacrée et profane. Par Mr. Louis Moréri, Prêtre Docteur en théologie. Nouv. ed. de 1759. T. X. 212 p.